

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

«ОН ЛГАЛ, ВЫ ОБА ЛГАЛИ.

ВЫСШАЯ

ТОГДА, МНОГО ЛЕТ НАЗАД.

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

И СКАЖИ, К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО?»

САМЫЕ ТЕМНЫЕ ДОРОГИ

AMAZON CHARTS
&
WASHINGTON POST
BESTSELLER

18+

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт

Самые темные дороги

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Уайт Л.

Самые темные дороги / Л. Уайт — «Эксмо», 2019 — (Высшая лига детектива)

ISBN 978-5-04-111961-4

Ребекка Норд не первый год занимается расследованием убийств, и мало что может выбить ее из колеи. Но последнее дело... Ее собственный отец погиб при очень странных обстоятельствах. Все это выглядит как самоубийство, но на деле оказывается жуткой, изощренной инсценировкой. Чтобы собрать улики, Ребекка отправляется в глухой городок за тысячи километров от столицы. Там ее ждут снежные пещеры, неожиданная встреча с давним возлюбленным и связанные с ним кровавые, запутанные детали их общего прошлого.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-111961-4

© Уайт Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

После убийственного мороза	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Мне кажется...	31
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	47
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	54
Последняя вечеря	55
Глава 15	58
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лорет Энн Уайт

Самые темные дороги

Джилл и Рэю, которые хранят мечту об озере Биг-Бар

Loreth Anne White
THE DARK BONES

Copyright © 2019 by Cheakamus House Publishing

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

После убийственного мороза

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Уитни бежит, хотя в груди полыхает огонь. У нее пересохло в горле. Стебли полыни, сосновые иголки и острые камешки впиваются в босые ступни. Кровь стекает по внутренней стороне ее бедер, оставляя липкие следы в сухой траве за ее спиной.

Уитни опускается на четвереньки. Тяжело дыша, она внимательно прислушивается к звукам осеннего леса.

Трава колет ее голые ягодички. Рваная ткань платья пристает к коже. Левую грудь пересекает рваный порез, а вокруг соска остались следы от укуса. Ее длинные волосы – такого же желто-золотистого оттенка, как и трава, где она прячется, – слиплись от пота и грязи.

Уитни слышит тихий рокот двигателя, который доносится с лесовозной дороги на дальнем краю озера. В воздухе сгущается гнетущая, потрескивающая энергия: приближается гроза. Деревья в лесу громко перешептываются и раскачиваются под порывами ветра.

Но она не слышит *их*.

Высоко в небе раздается протяжный крик пустельги, и Уитни резко вскидывает голову. Она достигла лесной опушки и не знает, что делать дальше. За этой безопасной границей начинается открытое поле. Оно заросло отцветшим иван-чаем, и клочки белого пуха носятся над лугом, словно летний снег, пока вдалеке рокочет гром, а грозовые облака наползают все ближе. Лес погружается в тень.

Уитни знает эту местность. За плотной рощей деревьев на противоположной стороне луга находятся обветшавшие постройки заброшенного летнего лагеря. Это часть ранчо Хогена, и она может спрятаться там.

Но ужас держит ее в крепких тисках. *Они* могут вести наблюдение. Могут ждать, пока она не выбежит на открытое место, словно раненый олень. Время растягивается до предела. Облака клубятся все гуще и закрывают потускневший солнечный диск. Луг тоже погружается в полутьму.

Она оторвалась от них? Возможно ли это?

Теперь гром грохочет совсем близко. Звук с силой ударяет по барабанным перепонкам. Страх подталкивает Уитни к действию. Она приподнимается и ныряет в заросли иван-чая. Не разбирая пути, она ломится через гущу стеблей и сухих соцветий, но ее взгляд решительно устремлен на проем между деревьями на другой стороне поля. Ее белые ягодички мелькают в траве, как круп убегающего белохвостого оленя, идеальная мишень для охотника.

Она слышит гиканье у себя за спиной.

В противоположном направлении с ревом пробуждается к жизни двигатель мотовездехода. Она окружена, путь к бегству отрезан.

По лицу Уитни струятся слезы, но она не останавливается. Она пробивается через спутанные стебли, направляясь к просвету между деревьями и к возможному спасению.

Рывкает выстрел. Птицы стайками взмывают из-под лесного полога. Пуля с горячим шелестом проходит рядом, мимо ее щеки. Уитни кричит и отклоняется в сторону. Снова гремит гром; небо становится черным. Крупные капли дождя начинают бомбардировку.

Еще один хлопок выстрела.

Уитни ощущает удар в плечо. Сила удара вместе с полученным шоком заставляет ее вернуться боком, и она падает в заросли иван-чая. Какое-то время она лежит на спине, оглушенная, скрытая густой растительностью. Горячая сырость сочится под плечом. Все кончено. Уитни больше не может дышать. Дождь хлещет в ее запрокинутое лицо. словно в абсурдном видении, она сознает, что небо окрасилось в зловещий багровый свет.

Уитни думает о своей матери. Ее маме нравятся грозы. Потом она думает о своих ошибках... о Треворе и Эше. Все пошло не так, как было задумано. Уитни начинает уплывать на волнах неопишуемой боли, но пронзительный свист приводит ее в чувство. Ее глаза распахиваются, сердце отбивает дикую чечетку в груди. Она не может умереть, не может. Она не умрет.

Уитни старается перекатиться на бок, но не может, потому что левая рука не слушается ее. Она хватается за стебли иван-чая здоровой рукой и кое-как приводит себя в сидячее положение. С неба льет напропалую; дождь хлещет ей в спину, смахивает мокрые волосы на лицо. Ветер кружит над полем и сотрясает кроны деревьев в лесу. В уме невольно возникают строки из песни, которую она слышала в автомобиле Эша.

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.
Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.
Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Уитни была так близка к этому.

Очень близка.

Воплотить свою мечту. Увидеть Лос-Анджелес. Она почти вырвалась отсюда. Казалось, все будет хорошо и даже весело. Теперь она хочет только остаться в живых. Отправиться домой, к маме. Туда, в знакомые объятия трейлерного парка.

Еще один треск ружейного выстрела. Все движется, как в замедленной съемке, когда шрапнель разлетается от ствола рядом с ее лицом. Мелкие щепки вонзаются в щеку и ослепляют правый глаз. Хныкая и причитая, Уитни уползает в заросли на другой стороне луга. Тут темно, очень темно. Наверное, безопасно. Ее левый глаз приспосабливается к полумраку. Лесное ложе покрыто папоротником и кустиками голубики. Уитни находит знакомую тропу и начинает брести по ней.

Голоса! Уитни слышит голоса. Мужчины кричат, приближаются к ней. Рев вездехода становится громче.

Она видит старую хижину, покрытую сухим мхом и лишайником. Молодые ростки пробиваются между сгнившими половыми досками. В тених этих развалин стоит олень. Уитни застывает на месте. Олень смотрит на нее большими, влажными глазами.

Но вездеход приближается, и олень бросается в сторону, с громким треском ломая кусты. Ее охватывает паника, и она оборачивается вокруг. Где спрятаться? Старые хижины они осмотрят в первую очередь. И почему ей пришло в голову, что там она может спастись?

Ее взгляд падает на кедровое бревно. Это старинное, давно упавшее дерево, покрытое мхом, оранжевым лишайником и папоротником. Сгнивший ствол мог бы послужить для медвежьей берлоги на зиму или стать убежищем для пумы, в надежном месте выращивающей своих котят. Уитни заползает внутрь, волоча за собой вялую окровавленную руку. В дереве пахнет так же, как в старом сундуке, где ее бабушка хранила меховое пальто. Знакомый запах. Надежный, как семья. Приветливый. Уитни заползает все глубже, пока не становится слишком узко. Тогда она сворачивается в клубок, глубоко в своей пещерке. Мягкий кедровый луб щекочет ей руки и ягодичы. Рев вездехода стихает где-то за бревном.

Она слышит очередной крик. Еще один выстрел. Она зажмуривается в ожидании, когда ее начнут вытаскивать за ноги. Но голоса отдаляются, как и топот ног в лесу. Внезапно становится совсем тихо, если не считать звука капель, барабанищих по бревну.

Они погнались за оленем, думает она. Дух оленя отвлек их и спас ее.

Ее тело охватывает безудержная дрожь. Уитни крепко прижимает ладонь ко рту, чтобы заглушить плач. Просто на тот случай, если один из *них* еще рядом и если это фокус, чтобы выманить ее.

Но она больше не слышит их.

Глава 1

Оттава, 6 января, примерно двадцать лет и три месяца спустя

Сержант Ребекка Норд шла по мраморному коридору здания Верховного суда вместе с юристом-консультантом; мерный стук каблуков звучал как подтверждение уверенности. Ее темно-синий, почти черный костюм был сшит по мерке, классический покрой шелковой блузки демонстрировал профессионализм и вместе с тем создавал легкий намек на женственность. Густые темные волосы были собраны в мягкий узел на затылке. Никаких ювелирных украшений, минимум макияжа. Такой внешний вид, одобренный стороной обвинения, был рассчитан на создание образа квалифицированного и достойного доверия детектива из отдела по борьбе с экономической преступностью федеральной полиции Канады – достаточно искушенного специалиста, который с удовольствием поможет разоблачить высокопоставленного преступника из мира «белых воротничков».

Этот суд привлек большое внимание. Средства массовой информации по обе стороны американо-канадской границы занимались его интенсивным освещением, а социальные сети пестрели множеством мнений и догадок. Перед зданием суда крепчал ветер, и быстро холодало, пока съемочные группы телевизионщиков и команды техподдержки затаились в машинах в предчувствии январской метели. Внутри репортеры с пропусками вереницей проходили в зал суда. Перерыв между заседаниями закончился; Ребекка должна была следующей давать показания. Хотя внешне она излучала спокойствие, внутри все бурлило от прилива адреналина. Сторона защиты собиралась устроить ей допрос по всей форме.

С

Женщина-юрист, шагавшая рядом с ней, прижимала к груди папку с бумагами.

– Помните, сержант: многие превосходные копы садились в лужу во время показаний перед судом из-за вещей, не имевших никакого отношения к их правдивости или уровню профессионализма, – бесстрастно сказала она, глядя прямо перед собой. – Их ловили на мелочах, которые...

– Вы уже рассказывали, – отозвалась Ребекка. – Я все поняла.

Они обогнули мраморную колонну, и Ребекка увидела толпу, собравшуюся перед залом суда. Когда они приблизились к дверям, зажужжал телефон, лежавший в кармане жакета. Ребекка заколебалась; возможно, это был очередной звонок от начальства.

– Я лучше отвечу, – поспешно сказала она.

– Вы следующая, – напомнила женщина из юридического отдела.

– Буду через полминуты.

Ребекка достала телефон и отступила в относительную тишину стенной ниши. Когда она увидела, кто звонит, сердце упало. Опять отец. Ребекка сбросила четыре его предыдущих звонка на голосовую почту. Сейчас у нее не было времени на его параноидную теорию заговора и прочую чушь. Она была уже готова оборвать звонок, но дрогнула. Ее отец давно был нездоров. Он слишком много пил; так было всегда, но теперь проблема усугубилась. Он проводил зиму в одиночестве, в старом семейном домике в глуши. Ближайшим городом был Клинтон: сорок пять минут езды по грунтовым лесовозным дорогам, которые редко чистили от снега.

Сельское уединение, выпивка, подступающая старость... Все это туманило его мозг, вызывало сумятицу и депрессию. И для того чтобы коротать долгие вечера на ферме, он обкладывался старыми уголовными делами, с одержимым упорством снова и снова изучая те, которые ему так и не удалось решить, и придумывая безумные теории, о которых обычно забывал на следующее утро. Ребекка приняла вызов.

– Привет, папа. Слушай, можно я тебе перезвоню? Я собираюсь давать показания в суде. За ее словами последовало непривычное, тяжелое молчание.

– Папа? Ты в порядке?

– Мне... нужно поговорить с тобой, Бекка. Тебе... тебе нужно кое-что узнать, чтобы ты могла правильно понять меня.

Его речь была сбивчивой и невнятной. Ребекка посмотрела на часы. В часовом поясе ее отца едва наступил полдень, а он уже принял на грудь. К вечеру, когда она закончит с делами в суде, отец будет беспробудно пьян.

– Послушай, я тебе позвоню, когда...

– Нет, нет, Бекка, не по телефону, – прошептал отец. – Я стою в фойе отеля «Карибу» и говорю по общественному телефону перед «Лосем и Рогом». Люди могут услышать... – Наступила пауза; Ребекка слышала на заднем плане шум, доносившийся из паба. – Я... полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье.

– Кто? Какое досье?

Тишина перед залом суда вдруг стала звенящей. Почти все вошли внутрь. У Ребекки сдавило грудную клетку от напряжения.

– Папа, – твердо сказала Ребекка. – Сейчас у меня нет времени на тайные заговоры. Я должна...

– Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что мне известно.

Ребекка заколебалась. Она слышала подобные вещи от своего отца, но он еще никогда не обращался к ней таким тоном. Она почти не сомневалась, что отец воображает разные вещи, но его страх был реальным. Ей пора подумать о профессиональной помощи для него. Уже пора. Она отправится домой и разберется с этим сразу же после окончания суда. Но в то же время возвращение на ранчо даже на несколько дней было последним, что Ребекка хотела бы сделать. Всегда оставалась вероятность встречи с Эшем. Она старалась откладывать эту вероятность так долго, как только могла.

– Папа, – уже мягче сказала она. – Послушай, все будет хорошо. Я обещаю. Как только этот суд закончится, я на какое-то время вернусь, и...

– Я знаю, что он лгал, Бекка. Вы *оба* лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, верно? От чего ты защищала его в тот день?

– О чем ты толкуешь?

– Сержант Норд... Ребекка! – Это был один из юристов, сердито сверкавший глазами. – Скорее, немедленно идите в зал суда! Ради всего святого, сержант, вы хотите, чтобы мы проиграли это дело?

Ребекка ущипнула себя за нос.

– Папа, мне нужно давать показания в суде. Я позвоню тебе завтра. – Он все равно будет слишком пьян для вечернего звонка. – Обещаю. Теперь найди номер в отеле и немного поспи. Делай что хочешь, только не садись за руль.

Ребекка прервала разговор и убрала телефон в карман, но, когда она шла за юристом, ее снедало беспокойство.

«Он лгал, Бекка. Вы оба лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади».

Когда она вошла в зал суда, то мысленно вернулась в тот воскресный день в конце сентября более двадцати лет назад. То, что начиналось как обычный день золотой осени, когда ольха и березы переливаются желто-багряными красками, за считанные минуты превратилось в мощную грозу.

Ребекка ехала домой с работы – по выходным она работала в ветеринарном кабинете, – когда дождь пошел сплошной пеленой. Вцепившись в руль, Ребекка подалась вперед, напряженно вглядываясь в разбитую грунтовую дорогу через плавные дуги, оставляемые щетками

на ветровом стекле. Внезапно перед ее автомобилем появился мужчина, медленно бредущий посреди дороги, босой, с безвольно опущенными руками. Его джинсы промокли насквозь, рубашка прилипла к телу.

Ребекка сбросила скорость и поехала за ним. Он как будто не осознавал ее присутствия и не пытался уступить дорогу, даже не обернулся.

Вдалеке грохотал гром. Деревья вдоль дороги клонились и раскачивались на ветру.

Она нажала на клаксон.

Никакой реакции.

Ребекка ударила по тормозам и остановила автомобиль. Какое-то время она сидела, а дождь барабанил по металлической крыше.

Какого черта?

Потом мужчина вдруг повернулся, и у Ребекки дрогнуло сердце.

Эш.

Его лицо... оно было глубоко разрезано с левой стороны. Его глаз был багровым, распухшим и почти закрылся. Кровь смешивалась с дождем на щеках Эша и окрасила в красно-коричневый цвет переднюю часть его футболки.

Ребекка распахнула дверь и побежала к нему.

– Эш! Что случилось? Что ты вообще здесь делаешь?

Но Эш только смотрел на нее пустыми глазами.

Ребекка заставила себя вернуться к настоящему. Но когда она занимала место на свидетельской скамье, по спине пробежал холодок. Ребекка едва замечала судебного клерка перед собой и даже не помнила, как оказалась здесь.

– Сержант Ребекка Норд, можете ли вы подтвердить перед судом, что ваши показания будут содержать правду, только правду и ничего, кроме правды?

«Он лгал. Вы оба лгали».

Глава 2

Карибу-Кантри, 8 января, вторник

Тори Бартон лежала на животе, бок о бок с Рикки Саймоном на заснеженной гряде посреди зарослей осины, давно сбросившей листву. Они наблюдали за ветхим деревянным домом внизу на поляне, ожидая, пока старик не посетит свою поленницу. Рикки сказал Тори, что старик каждый раз забирает дрова примерно в это время, а потом не выходит из дома до утра.

В нескольких метрах от его хижины, рядом с поленницей, находился старый сарай, который и был их целью. Сарай стоял перед еще одной плотной группой осин, отгораживавших участок от заснеженной подъездной дороги. В багряном сумраке раннего январского вечера сходная с бумагой осиновая кора испускала призрачное сияние. Белизна была подчеркнута черными отметинами, которые для Тори выглядели как глаза, подведенные сурьмой. Пока угасали сумерки, ею овладело тяжелое предчувствие наряду со жгучими уколами холода от ветра, задувавшего с арктических равнин. Заныло в ушах; следовало бы одеть вязаную шапочку, как советовала Оливия, ее биологическая мать. Оливия также рассказала Тори, что все осины взаимосвязаны и представляют собой один большой организм, созданный переплетением подземных корней. Если срубить дерево на этой гряде, остальные узнают об этом.

Тори подумала, смогут ли они одновременно испытать боль от удара топора.

Тори гадала, сможет ли она когда-нибудь полюбить Оливию так же, как любила свою приемную маму. У нее были сомнения на этот счет. Она тосковала по Мелоди и Гейджу, своим приемным родителям, и эта тоска ощущалась как пустота в сердце. Теперь Рикки был ее единственным настоящим другом. Он был единственным учеником в ее новой школе, считавшим, что быть отпрыском серийного убийцы – это даже круто. Рикки был *тем самым* парнем: тем, кто заставлял хулиганов и грубых девчонок думать, что они тоже крутые, просто из-за дружбы с ним. Потому что сам Рикки был очень крут. Он делал такие вещи, на которые не осмеливался никто другой.

– Вот он, – прошептал Рикки и указал на окно в задней части дома.

Внутри, на желтоватом фоне неверного света лампы, угадывался сгорбленный силуэт пожилого человека, говорившего по телефону. У него был стационарный телефон, но не было электричества. Старик пользовался пропаном из большой цистерны у заднего окна хижины. У него был газовый обогреватель.

– Ты говорил, что каждый день в это время он забирает дрова, а потом не выходит до утра, – прошептала Тори. – Почему он не выходит?

– Он обязательно выйдет, когда поговорит по телефону или сделает что-то еще. Смотри, он вешает трубку!

И действительно, через две минуты дверь напротив навеса отворилась, и старик вышел на улицу в теплой куртке, вязаной шапке и перчатках. Согбенный от возраста, утопающий в громадной куртке, которая когда-то, должно быть, была ему впору, он побрел через хлюпающий талый снег к своей поленнице, накрытой брезентом. За собой старик тащил примитивные сани. В напряженной, взволнованной тишине Рикки и Тори смотрели, как он накидал кучу колотых дров на волокушу. Потом закрыл поленницу брезентом и потащился к дому по мокрому снегу, подтягивая сани за веревку.

– Он входит в дом, – сказал Рикки.

Тори ощутила внезапный укол паники. То, что они собирались сделать, вдруг показалось неправильным. Слова Рикки зазвучали в ее голове:

«Он едва ли поднимет бучу или хотя бы заметит пропажу. Когда он запрется в доме, мы проникнем под навес и заберем пару бутылок алкоголя. Вот и все. Потом бегом вернемся на гребень холма, сядем в снегоход рядом с осиновой рощей и дадим деру отсюда».

– Уже поздно, – сказала Тори. – Я... я обещала Оливии и Колу, что вернусь домой до темноты.

Рикки повернулся к ней и ухмыльнулся; его глаза были озерцами жидкой черноты на фоне смуглой кожи. Когда он так смотрел, у Тори возникало странное ощущение в животе. Ему еще не исполнилось тринадцати, но он казался гораздо старше и был очень умелым. У Рикки Саймона было неоспоримое преимущество: рядом с ним Тори чувствовала себя живой. Он заставлял ее забывать о поганой неразберихе жизни; попросту говоря, благодаря ему ей хотелось вставать поутру. Рикки был единственным, кто делал ее новую жизнь на ранчо Брукен-Бар сколь-либо сносной. И вдруг все опять стало в полном порядке.

– Ты же не струсил теперь, правда, Тори Бартон?

– Конечно, нет. Только... нужно сделать это поскорее.

– Вот именно.

Они спустились к старому сараю. Снежная каша быстро застывала на морозе. Когда они подошли к сараю, Рикки выругался.

– Он запер чертов сарай! Раньше он никогда этого не делал.

Ну, конечно: новый латунный замок был продет в петлю металлической створки поперек двери.

– Наверное, сосчитал свои бутылки и увидел недостачу, – сказала Тори, дрожа от холода и радуясь, что сарай вдруг оказался недоступным.

Рикки опустился на корточки и пристально осмотрел навесной замок в угасающем свете дня. Потом усмехнулся:

– Вроде бы понятно.

Рикки пошарил в кармане и достал карманный ножик с рукоятью из кремовой кости, отполированной до полупрозрачности, с инкрустацией в виде маленького лошадиного профиля. Сняв перчатки, Рикки раскрыл одно из мелких приспособлений.

– Пробойник, – шепотом сообщил он. Потом вставил инструмент в замок, закрыл глаза и сосредоточился, аккуратно ворочая железный стержень. Рикки ругнулся на мороз и замерзшие пальцы, а затем выпрямился с широкой улыбкой.

– Готово!

– Где ты этому научился?

– У одного парня из заповедника. Заходи скорее. – Рикки открыл дверь сарая и бросил взгляд на бревенчатую хижину, угрюмо нависавшую в сумерках. Из каминной трубы поднималась струйка дыма.

Оказавшись внутри, Рикки направил луч фонарика на узкие полки вдоль стены. Свет играл на стеклянных бутылках и банках, наполненных жидкостью. Содержимое некоторых из них было прозрачным, как вода; другие имели светло-желтый оттенок лугового меда или более насыщенный цвет жженой умбры. Тори нервно оглядывалась по сторонам. В заднем углу сарая, на некрашеном деревянном столе, стоял медный перегонный куб, соединенный трубками с бочкообразной емкостью. На соседней полке стояли две керосиновые лампы. На другой стене были развешаны инструменты и разное садовое оборудование. Каждая вещь находилась на своем месте. Тори не ожидала, что сарай окажется таким опрятным и хорошо организованным. Она посмотрела на куб.

– Это же незаконно, да?

– Само собой, – ответил Рикки, снимая бутылку с полки и засовывая ее под куртку. Он потянулся за другой бутылкой. – Поэтому он не может сообщить о краже.

– Я думала, что этот старик был полицейским.

– А когда это мешало незаконным делишкам? Уж ты-то должна знать об этом, учитывая, чем занимался твой отец.

– Он был не настоящим, а приемным отцом.

– Ну да, а твой настоящий отец был чокнутым придурком.

– Пошел ты в жопу, Рикки Саймон.

Рикки ухмыльнулся и потянулся за третьей бутылкой, но его рука застыла в воздухе, когда они услышали звук. Оба замерли и прислушались. Звук послышался снова: отчетливое чавканье шагов по мокрому снегу, быстро приближавшееся к ним.

– Он возвращается, – в ужасе прошептала Тори. – Ты же говорил, что он больше не выйдет из дома!

– Это не он; шаги слишком быстрые. Скорее, прячься за столом.

Они нырнули под верстак в дальнем конце сарая, едва втиснувшись между скамьей и стеной. Рикки выключил карманный фонарик, и началось холодное ожидание во тьме. Ветер стонал в древесных кронах, и ветки скрипели и скребли по крыше сарая. Тори стиснула зубы и устремила взгляд на дверь, ожидая увидеть клин желтого света от лампы или ружейный ствол.

Никто не пришел. Звуки прекратились. Потом, когда Тори уже собиралась встать и убраться подальше от этого места, – с Рикки Саймоном или без него, – они услышали громкий хлопок. Она в панике взглянула на Рикки. В полутьме его глаза казались вытаращенными и круглыми, с огромными белками.

– Это выстрел, – прошептал он.

Прижавшись друг к другу, они не смели двинуться с места. Минуты тянулись за минутами. Потом они снова услышали звук шагов по мокрому снегу, еще более торопливых, чем раньше. Шаги приближались к сараю.

– Вот черт, – прошептал Рикки, когда Тори вцепилась в его руку. От ее движения он дернулся и стукнулся об полку, откуда слетела жестяная банка. Крышка отскочила, и на дощатый пол пролилось что-то вроде краски. Никто не произнес ни слова. Желтая жидкость медленно собралась в лужицу и просочилась под скамью.

Человек на улице повернул в сторону от сарая. Чавкающий звук шагов удалился в сторону осиновой рощи за маленьким домом. Они слышали хруст веток, сопровождавшийся резким выхлопом, а потом двигатель снегохода с ревом пробудился к жизни. Рикки немного привстал и выглянул в окошко в задней части сарая, а потом быстро нырнул обратно.

– Я видел его, – прошептал он. – Видел его шлем.

Они послушали, как снегоход уезжает на север, к лесу на противоположной стороне долины. Вскоре звук стих вдалеке.

– Дьяволыщина, – прошипел Рикки. – Нам нужно зайти в дом и посмотреть, что случилось со стариком.

– Не, не надо! – Тори рывком поднялась на ноги и метнулась к двери. – Нам нужно убраться отсюда!

Рикки схватил ее за руку.

– Тори, его могли ранить. Ему нужна помощь. Я собираюсь посмотреть, как он там, – с тобой или без тебя.

Глаза Тори наполнились слезами, а в груди перехватило так, что она не могла вздохнуть. Она не должна была соглашаться с Рикки и приходить сюда. Но она точно не собиралась оставлять его и отправляться в темноту. Только не сейчас. Только не после того, что случилось.

Они вышли из сарая и крадучись пошли по тропинке к дому, досадуя на шум, поднимаемый их собственными шагами по снежному месиву. Они приблизились сзади, где рядом с домом стоял цилиндрический бак с пропаном. Рикки осторожно заглянул в окно гостиной. Тори тревожно оглядывалась на склон холма позади; ее пугала мысль, что человек на снегоходе может сделать круг и зайти им в спину.

– Я вижу его ноги, – прошептал Рикки. – Он сидит в кресле-качалке у камина, на ногах у него шлепанцы, но все остальное закрыто. – Последовала короткая пауза. – Тори, он не двигается. На полу валяются очки... он вообще не шевелится.

Рикки отступил от окна. В сгустившемся сумраке его лицо казалось призрачным, глаза зияли черными дырами. Это еще больше напугало Тори.

– Я захожу в дом, – объявил Рикки.

– Нет, Рикки, пожалуйста! – Она снова ухватила его за руку. – Пожалуйста, давай уйдем отсюда!

Он стряхнул ее руку и направился к двери, движимый тревогой. Тори поспешила за ним, несмотря на ужас, наставший внутри.

Дверь была слегка приоткрыта – по меньшей мере странно, принимая во внимание холод на улице и крепкий северный ветер. Рикки постучался.

– Мистер Норд, – позвал он. – Капрал Норд!

Ничего, кроме ветра, шелестевшего в безлистных ветвях деревьев.

Рикки открыл дверь пошире. Кухня была освещена мерцающим светом керосиновой лампы, стоявшей на столе. Внутри было тепло, немного пахло дымом и едой из печи. Две тарелки на столе. Рикки осторожно двинулся через кухню в гостиную. Тори последовала за ним и сразу же почуяла какой-то другой запах. Незнакомый, но вызывающий инстинктивное желание немедленно бежать отсюда.

Рикки выглянул из-за угла.

– Вот дерьмо! – Он отпрянул и резко вытянул руку, преграждая ей путь. – Уходи отсюда, Тори.

Его голос звучал очень странно; раньше она никогда не слышала от него такого тона. Рикки сильно побледнел.

Ноги Тори словно приросли к полу.

– Давай же! – Рикки схватил ее за руку, развернул и с силой подтолкнул к кухонной двери. Толчок выбил Тори из равновесия. Она выбросила вперед руку в перчатке, чтобы ухватиться за край стола, но вместо этого сбила керосиновую лампу. Лампа перевернулась и с лязгом упала на пол; стекло разлетелось вдребезги. Керосин разлился по полу и немедленно вспыхнул. Тори придушенно вскрикнула.

Рикки поволок ее к входной двери, и они вместе выкатились на улицу. Он сразу же согнулся пополам, и его вырвало в снег. На кухне занималось потрескивающее пламя.

– Р-Рикки? – пробормотала Тори.

Рикки посмотрел на нее, но ничего не сказал, как будто старался прояснить голову и найти подходящие слова. Как будто старался совладать со своим телом. Когда он заговорил, его голос заметно дрожал.

– Он... он сидел там. В кресле-качалке, но... между ног он держал ружье. Приклад упирался в пол, а ствол был направлен туда, где его рот... Он вышиб себе мозги.

В доме что-то грохнуло и затрещало. Огонь поднимался по кухонным занавескам, заставляя их развеваться, как от ветра, пока они сгорали за окном.

– Нам нужно позвать на помощь! – закричала Тори, охваченная паникой, заглушавшей голос рассудка. – Нужно позвать на помощь!

Рикки взял Тори за руку.

– Нет, Тори. Вот теперь нам нужно убираться отсюда.

– Но старик...

– Он мертв, Тори. Мертвое не бывает. В этом мире ему уже ничто не поможет. Пошли! Тори воспротивилась, несмотря на жгучие слезы.

– Но пожар, Рикки, это же из-за...

Очередной взрыв на кухне выбил окно. Стекло разбилось, и осколки разлетелись по снегу. Языки пламени с клубами черного дыма вырвались из окна и поползли к двери, жадно поглощая кислород. Рикки потянул Тори за собой.

– Пошли!

Они побежали, спотыкаясь и оскальзываясь на склоне, где снег начал подмерзать и покрылся ледяной коркой. У вершины невысокой гряды, где росли осины, они пробежали через рощу. Тори упала в снег, стукнувшись головой о ствол дерева. Она встала на нетвердых ногах и побрела туда, где Рикки оставил свой снегоход.

Рикки уже занял водительское место и завел мотор – старый и громкий двухтактный двигатель, а не тот мощный движок, звук которого они недавно слышали. Тори уселась сзади и обхватила Рикки за пояс. Рикки поддал газу, и они тронулись с места в облачке голубоватого дыма.

Тори не оглянулась, когда позади грохнул очередной взрыв и огонь с ревом и треском охватил дом, стоявший посреди безмятежного ландшафта. Ледяной ветер доносил до ребят резкий, едкий запах дыма. Они тряслись и подпрыгивали на высокой скорости, пересекая снежные поля; с каждым толчком Тори вздрагивала и чувствовала, как будто ее ударили по копчику деревянным молотком.

В ясном куполе наверху высыпали булавоочные огоньки звезд – местами так густо, что они казались небрежным мазком молочной краски, пересекавшим небосвод. А на дальнем горизонте, над хребтом Марбл-Маунтинс заискрилась мягкая зеленоватая дымка северного сияния.

Но Тори могла думать только о старике Ное Норде, сгоравшем в бревенчатой хижине.

Это она была виновата. Пожар начался из-за нее.

Глава 3

Оливия Уэст смотрела на Эйса, старого кобеля немецкой овчарки, дремавшего перед очагом. Его передние лапы слабо подергивались, пока он преследовал воображаемого кролика на весеннем поле, словно щенок, которым он был когда-то. Во всяком случае, так казалось Оливии.

Но его задние ноги оставались неподвижными. Скоро они будут совершенно парализованы. По словам ветеринара, это называлось «дегенеративной миелопатией». Тот день, когда она остановила свой автомобиль, чтобы отлепить Эйса от дороги, стал поворотным моментом в ее жизни. Она спасла его, а он спас ее. До Эйса Оливия была жертвой сексуальной агрессии и похищения. Вместе с ним она научилась быть храброй. Вместе с ним она преодолела свое положение беспомощной жертвы. Благодаря Эйсу она перестала прятаться и отстояла свое право на материнство. Благодаря этому старому псу она сейчас находилась здесь и сидела в библиотеке на ранчо Броукен-Бар, которое теперь принадлежало ей и Коулу Мадона – мужчине, который уважал и любил ее и хотел быть ее спутником до конца странствия, называемого жизнью.

А потом она воссоединилась со своей дочерью Тори, которая была зачата, пока Оливию держали в заточении и многократно насиловали. На позднем сроке беременности ей удалось бежать.

Но величайшим вызовом для нее теперь было материнство. Она чувствовала, что теряет Тори, хотя и вполне поняла, каково быть матерью и завоевывать детскую любовь и доверие.

Оливия глубоко вздохнула. Это будет нелегко, но она на своем веку испытала больше, чем может вытерпеть большинство людей. Она *могла* это сделать, значит, она это сделает.

– Эйс еще сможет гулять самостоятельно, когда получит инвалидную коляску для задних ног, – сказал Коул из угла библиотеки, где он сидел за столом и разбирал бумаги своего недавно умершего отца.

Оливия подняла голову. Коул внимательно смотрел на нее глубоко посаженными серыми глазами. Он был зорким наблюдателем, знатоком человеческой натуры, каталогизатором фактов и толкователем мелких признаков. Его навыки были отточены годами журналистских исследований. Эти навыки принесли ему награды за документальные произведения. Коул был человеком монументального телосложения, чьи сочинения отличались суровой жизненной энергией под стать его облику. Он писал о смельчаках и авантюристах, о ценности выживания в прямом смысле слова. Но несмотря на очевидный шовинизм его «мужественной» прозы, в ней присутствовал деликатный, сочувственный взгляд на мир и на людей в этом мире. Благодаря этой стороне своей личности он показал Оливии, как можно снова научиться доверять людям.

Но она не позволяла ему полностью войти в ее жизнь; она просто не могла этого сделать. Еще не пора. Еще рано. Она хотела любить его безраздельно и до сих пор боролась с собой из-за этого, возможно, точно так же, как Тори боролась с собой за признание Оливии своей матерью.

Коул тоже действовал осмотрительно. Одной из главных проблем для Оливии был секс. Вероятно, после месяцев сексуального рабства с этим уже ничего нельзя будет поделать. Коул настоял на том, чтобы Оливия пользовалась главной спальней в семейном доме, который его отец предпочел завещать Оливии, а не своему сыну. Сам Коул спал и работал в одной из небольших бревенчатых хижин у озера. Это решало вопрос общей супружеской постели... по крайней мере, на какое-то время.

– Думаю, ему все равно понравится передвигаться на колесах. Или на лыжной коляске, когда он привыкнет. Ветеринарная клиника на днях должна получить колесный и лыжный комплект для него.

Оливия поднялась со стула и подошла к большому панорамному окну с видом на хижины и заснеженное озеро. На улице почти совсем стемнело. В небе переливалось северное сияние. Оливия сложила руки на груди и обратила внимание на подъездную дорожку. Никого и ничего. Она передернула плечами.

– Тори обещала вернуться до наступления темноты. Мне не следовало отпускать ее с этим парнишкой.

– С Рикки?

– От него только и жди беды. Я хотела отказать ей, но мне слишком часто приходится что-то запрещать. Иногда... иногда я просто не знаю, где нужно провести черту, Коул. Я еще не умею *быть матерью*.

Коул встал, подошел ближе и положил руку ей на плечо.

– До сих пор у тебя замечательно получалось.

– Нет, – решительно сказала Оливия, глядя в сгущающуюся тьму. – Не существует руководства для воспитания дочери, родившейся в результате сексуального насилия. Я убила ее отца, я своими руками убила моего насильника и похитителя, но при этом он был ее отцом. Как она справляется с этим? Да еще и вдобавок к потере обоих приемных родителей?

– Так и справляется, работая с психотерапевтом. Вы обе делаете маленькие шаги навстречу друг другу. Так или иначе, Лив, мы все пытаемся чего-то добиться в жизни, а что еще нам остается?

Оливия закусила губу и кивнула.

– А в следующий раз пусть она обязательно возьмет с собой радиотелефон, чтобы оставаться на связи.

Оливия снова кивнула. За исключением некоторых уголков, включая участок вокруг дома, мобильная связь здесь практически отсутствовала. Оливия напряглась, когда на подъеме внезапно появился свет прожекторной фары. Снегоход. Он подскакивал на взгорках, потом свернул на подъездную дорогу и с ужасающей скоростью заскользил к дому.

– Я собираюсь задать этому Рикки Саймону хорошую взбучку за такой стиль вождения, – отрезала Оливия, направляясь к двери. – Он может погубить их обоих.

Оливия поспешно спустилась по лестнице в прихожую и распахнула большую деревянную дверь как раз в тот момент, когда снегоход затормозил у самого крыльца. Оливия вышла на крыльцо, и ее моментально окатило холодом. Водитель рывком сорвал с головы шлем, не глуша двигатель. У Оливии упало сердце.

Это был Дэйв Бранниган, наемный работник у них на ранчо. Он тяжело дышал, выпуская облака пара, оседавшие инеем у него на лице.

– Пожар! – крикнул он из-за рокота двигателя. – Хижина Ноя Норда охвачена огнем! Нам нужны добровольцы, пока пожарные с мотопомпами не приедут из Клинтон, а это займет около часа по таким дорогам.

Коул вышел на крыльцо и встал рядом с Оливией.

– А что с Ноем?

– Думаю, он все еще внутри. – Бранниган вытер лоб ладонью в перчатке. – Вы созовете добровольцев, которые могут приехать туда? Я направляюсь на ранчо Хогена и посмотрю, сможет ли Эш оказать помощь. Буду на связи по рации.

Он водрузил шлем на голову, опустил козырек и с ревом тронулся с места. Прожекторная фара его снегохода узким лучом прорезала снежную тьму.

Коул посмотрел в глаза Оливии. Она понимала, что оба они думают примерно одно и то же: состарившийся пьяный отставной полицейский сержант в очередной раз напился, опрокинул керосиновую лампу и в конце концов спалил свою ветхую бревенчатую хижину вместе с собой.

– Я начну звонить, а ты подготовь снаряжение, – сказал Коул, развернувшись и шагнул обратно в дом. Но когда Оливия собралась последовать за ним, на подъездной дороге появился еще один снегоход. Этот ехал медленнее.

Рикки и Тори остановились перед домом; двигатель снегохода натужно кашлял и изрыгал клубы бензиновых выхлопов. Облегчение затопило Оливию, как теплый прилив. Ребята оба были без шлемов, но разбирательства можно отложить на завтра.

– Тори! – воскликнула она, перебивая шум старого двигателя. – У Ноя в доме пожар. Мы с Коулом отправляемся туда. Иди в дом и *никуда не выходи*, слышишь? Рошен приготовила ужин.

Тори прыгнула на землю, но Рикки смотрел прямо перед собой над лучами фар, устремленными во тьму, не снимая рук с руля. *В другой раз*, подсказал Оливии внутренний голос, редко подводивший ее.

Даже не взглянув на нее, Тори поднялась на крыльцо и скрылась в доме. Запрокинув голову, она побежала вверх по лестнице, не снимая зимних сапог.

В другой раз.

Оливия вошла в коридор, когда появился Коул с ее снаряжением: куртка, синтепоновые штаны, утепленные рукавицы и шлем. Он протянул вещи Оливии, глядя на Тори, поднимающуюся по лестнице.

– Разберемся потом, Лив, – прошептал он. – Нам нужно идти.

* * *

Тори смотрела, как Оливия и Коул уезжают в ночь, из окна библиотеки на втором этаже. Темнота поглотила их, а слова Рикки снова и снова эхом отдавались в ее голове:

«Он мертв, Тори. Мертвое не бывает. В этом мире ему уже ничто не поможет».

Тори судорожно вздохнула, когда припомнила их ссору во время бегства из пылающей хижины. Рикки остановил снегоход и повернулся к ней.

– Тори?

Его голос был хриплым, взгляд – диким. Тори отвернулась и стиснула зубы. Она не могла нормально думать о том, что произошло несколько минут назад. Мысли и чувства были спутаны в бесформенный клубок. Она едва могла дышать.

– Посмотри на меня, Тори.

Медленно, очень медленно она посмотрела Рикки в глаза. К горлу подкатил комок, от которого хотелось закусить.

– Мы никогда и никому не расскажем о том, что были там, ясно? Ты это поняла? Если полиция узнает, что мы крали его алкоголь, эту чертову брагу, или что мы устроили этот пожар, я в полном ауте. Понимаешь, что это значит? Они вычеркнут меня из программы восстановительного правосудия и отправят в колонию для несовершеннолетних. Из-за рецидива. Меня уже арестовывали за кражу со взломом в Клинтоне. У меня больше нет шансов. А ты, Тори, ты – дочь садиста и убийцы. Они станут допытываться, сколько папиной крови течет в твоих венах, насколько ДНК Юджина Джорджа определяет твоё мышление. Сечешь, что я имею в виду? Они будут спрашивать, зачем ты устроила пожар. Ты меня понимаешь? Ты должна поклясться своей жизнью, что никогда никому не скажешь. Сделай это, Тори. Сейчас.

Ее затопило.

– Мы... мы должны были вызвать пожарных. Мы...

– Как бы мы их вызвали? Здесь нет проклятой мобильной связи. А он умер, ясно? С этим больше ничего не поделаешь. А я не могу отправиться в колонию! Это убьет меня, Тори, просто убьет, и все.

– Почему ты так настаивал, чтобы мы именно сегодня отправились за брагой? – Она истерически повысила голос: – Почему ты захотел поехать сегодня, а не в другой день?

Рикки замолчал и отвернулся. Северное сияние над головой изменило цвет со светло-зеленого на зловещий розовато-желтый оттенок.

– Потому что сегодня мой день рождения, – тихо ответил он. – Мне исполнилось тринадцать лет.

Его глаза подозрительно заблестели, и Тори поняла, что крутой Рикки Саймон очень расстроен. Ему плохо, и он готов расплакаться.

– А ты... – Она сглатывает. – Ты получил подарки? От отца и матери?

– Господи, что за тупой вопрос, да еще теперь! Кому какое дело до дней рождения, когда тебе уже тринадцать лет?

Ей захотелось сказать: «А мне есть дело». Но семья, которую Тори имела несколько месяцев назад, вовсе не была той «семьей», которую она имела сейчас. Она не получила никаких шансов отпраздновать свое тринадцатилетие вместе со старой семьей. Ее мир перевернулся вверх тормашками, когда мать погибла в горах, а потом приемный отец отправился на охоту за серийным убийцей, который был отцом Тори. В итоге все это привело ее в Бруклен-Бар и к Оливи, ее настоящей матери. С тех пор Тори жила в мире кошмаров, в темном и вывернутом наизнанку мире, зеркально отражающем настоящий, и не знала, что с этим поделать.

– Мне есть дело, Рикки, – тихо сказала она.

Рикки жестко провел по рту рукой в перчатке.

– Ну да, отлично. Это приятно слышать. Иногда ведь хочется развлечься в одиночку, потому что всем наплевать, понимаешь?

– Понимаю.

Он кашлянул и глубоко задыхался.

– Мы не сделали ничего плохого. Просто взяли пару бутылок браги из сарая. Ничего страшного.

Он расстегнул куртку и достал одну из украденных бутылок. Открыл пробку и предложил Тори.

Она сделала глоток, и жидкое пламя обожгло ей горло. Она закашлялась, смахивая слезы. Но Рикки был прав. Тепло, разливающееся в груди, доставляет удовольствие. Тори еще раз глотнула и передала ему бутылку. Он сделал несколько коротких глотков, вытер рот и закрыл бутылку.

– Лучшие?

Тори кивнула и криво улыбнулась.

– Клянешься, что никому не скажешь?

– Да, клянусь.

Рикки нагнулся и быстро поцеловал ее в губы. Его губы были холодными и шершавыми от непогоды, и от него пахло брагой. Тори показалось, что это самый поразительный в ее жизни вкус. Это придало ей смелости, и она спросила:

– Что ты видел, когда выглянул в окно сарая? Ты сказал, что видел его шлем. Как он выглядел?

– Я тебе не скажу. Об этом ты тоже не сможешь никому рассказать, и это будет наверняка.

Тори вздрогнула.

– Тори!

Она охнула и развернулась на звук голоса, позвавшего ее по имени. Рошен, новая домохозяйка и повариха, недоуменно смотрела на нее, стоя на пороге библиотеки и держась за дверную ручку. Сердце Тори гулко стучало в грудную клетку. Ей показалось, что Рошен подслушала ее мысли, как будто она думала вслух.

– В кухне на плите тебя дожидается вкусный суп, – сказала Рошен.

– Я не хочу есть. – Тори боком прошла мимо нее и направилась к лестнице.

– Где вы были с Рикки сегодня вечером? – окликнула ее Рошен.

Тори на секунду замерла перед ступенями.

– Просто катались. Ничего особенного.

И она побежала с такой скоростью, что когда обогнула угол лестничной площадки, показалось, будто вот-вот разорвется сердце.

Глава 4

Карибу-Кантри, 14 января, понедельник

Ребекка сидела на пластиковом стуле в приемном покое клиники «Девилс-Батт», все еще одетая в костюм для выступления в суде.

Напротив нее громадный мужчина старше шестидесяти нервно теребил окладистую седую бороду. Его наряд, по сути дела, был форменной одеждой для сотрудников клиники: теплая фланелевая рубашка, кархартские¹ рабочие брюки с теплой подкладкой и ботинки на меху. Сидевшая рядом с ним женщина в тускло-коричневой униформе местного сетевого фастфуда прокручивала сообщения на своем мобильном телефоне и жевала резинку. В дальнем конце приемного покоя молодая мать старалась успокоить сопливого малыша в зимнем комбинезоне. В воздухе висел тяжелый больничный запах. Ребекка чувствовала себя нехорошо.

Сообщение, которое она обнаружила на телефоне в среду вечером, снова и снова прокручивалось у нее в голове.

«Ребекка Норд? Сержант Норд? Это капрал Бак Джонстон из клинтонского отделения RMCP². Пожалуйста, свяжитесь со мной по данному номеру. Это срочно.»

Ребекка знала Бака. Она училась с ним в одной школе. Когда Ребекка услышала его голос, то сразу же поняла: с отцом случилось что-то страшное. Она позвонила немедленно.

«Мне очень жаль, Бекка, но у нас плохие новости... Ружье двенадцатого калибра. Самоубийство. Пожар... Тело отвезли в морг клиники «Девилс-Батт». Вскрытие назначено...»

Она сделала глубокий вдох и заставила себя обуздать бурные чувства, готовые вырваться наружу. Усталость, потрясение и смена часового пояса – все это затрудняло привычный контроль над собой.

«Мы хорошо осмотрели место происшествия, Бекка, и не нашли никаких оснований для уголовного расследования. Все свидетельства указывают на самоубийство. Теперь дело находится в ведении коронера.»

Из-за рекордных метелей и снегопадов, которые привели к закрытию аэропортов и причинили несказанные бедствия по всему Восточному побережью вплоть до Калгари, Ребекке понадобилось пять дней, чтобы добраться туда. Она проводила ночи в залах ожидания аэропортов вместе с сотнями таких же страдальцев.

По крайней мере, вчера вечером ей удалось зарегистрироваться в мотеле в Камлупсе, где она смогла вымыться под горячим душем, сменить нижнее белье и надеть чистую блузку, прежде чем отправиться в Девилс-Батт на автомобиле, взятом напрокат.

Ее родной городок Клинтон был слишком мал, чтобы иметь собственный морг, поэтому останки ее отца доставили в более крупный город, Девилс-Батт, на севере, где имелаась настоящая больница и вспомогательные помещения.

А теперь они уже сделали вскрытие.

Ребекка знала, что в случае внезапной и очевидно ненасильственной гибели формальная обязанность коронера заключалась в том, чтобы как можно скорее распорядиться о вскрытии тела и подтверждении причины смерти. Для этого не требовалось согласия членов семьи. Ребекке также было известно, что расследование причин пожара по закону должно осуществляться в течение трех рабочих дней.

У нее горели глаза.

¹ Carhartt – американская компания, наиболее известная как производитель рабочей и специализированной одежды. – Прим. пер.

² RMCP (Royal Canadian Mounted Police) – Канадская королевская конная полиция. – Прим. пер.

Ей следовало серьезнее отнестись к отцовскому звонку и расценить его как призыв о помощи.

Теперь уже поздно. Теперь он мертв, обгорел и подвергся вскрытию. А ей остается лишь дожидаться чужого вердикта.

– Ребекка Норд?

Она вздрогнула, не заметив приближения бойкой женщины лет сорока пяти с выбеленными светлыми волосами и асимметричной стрижкой. Ярко-голубые глаза как будто танцевали за черепаховой оправой ее очков, и от женщины исходила бодрящая энергия.

– Долго не виделись, Бекка. – Женщина протянула изящную бледную руку. – Хотя я предпочла бы встретиться с тобой в более благоприятных обстоятельствах.

Смутившись, Ребекка медленно поднялась на ноги. Она была гораздо выше худощавой незнакомки. Они обменялись рукопожатием.

– Мы знакомы?

– Дикси, – сказала женщина. – Дикси Скотт Маккракен. Теперь я местный коронер. – Она слегка улыбнулась. – Понимаю, и впрямь прошло немало времени.

– Я... Дикси? Из офиса доктора Маккракена?

– Она самая. Его жена. Мы поженились еще до того, как ты уехала из города, но, не сомневаюсь, тогда у тебя на уме было много других вещей.

– Я тебя не узнала.

– Возраст. – Дикси снова улыбнулась. – Это как волшебство. Но я бы узнала тебя где угодно, потому что следила за новостями о том громком судебном процессе.

Ребекка сглотнула. Никто не называл ее Беккой на востоке, откуда она приехала. В той реальности, в мире беловоротничковой преступности, она была Ребеккой, детективом Канадской королевской конной полиции. Или сержантом Норд. Когда миниатюрная жена их старого семейного врача назвала ее Беккой, она снова почувствовала себя маленькой девочкой. Или неуклюжей девушкой-подростком, какой она была, когда уехала из города и с тех пор не оглядывалась назад.

– Ты уверена, что хочешь видеть своего отца в таком состоянии? Несмотря на интенсивные ожоговые повреждения, мы получили положительную идентификацию личности, поэтому нет надобности...

– Я должна увидеть его.

Дикси выдержала паузу, как бы давая Ребекке время пересмотреть ее решение и уйти. Но Ребекка молча стояла на своем.

– Тогда нам сюда. – Дикси повела ее к лифту.

– Насколько я понимаю, констебль Джонстон передал тебе, что это расследование теперь находится в ведении коронерской службы? – поинтересовалась она, когда нажала кнопку со стрелкой вниз.

– Да. – Ребекка встретила взглядом с маленькой женщиной-коронером. – Все совершенно уверены, что это было самоубийство? Что нет никаких оснований для уголовного расследования?

Дикси нахмурилась:

– Для составления официального отчета понадобится определенное время, но да: мы пришли к предварительному выводу, что Ной умер в результате самострела, ружейного выстрела в голову примерно в то время, когда в доме начался пожар.

Двери лифта раскрылись. Когда они вошли внутрь, Дикси ненадолго замолчала и нажала кнопку подземного этажа. Двери бесшумно закрылись.

– Первично расследование проводили местный отдел RMCP и провинциальный отдел расследования причин пожаров, но они не обнаружили ничего подозрительного, – продолжила

Дикси. – Все обстоятельства указывают на то, что твой отец решил свести счеты с жизнью. Мне действительно жаль, Бекка.

С каждым метром спуска Ребекка ощущала, как у нее растет давление. Она не была уверена, что сможет справиться со зрелищем обгоревшего тела отца на металлическом столе в морге. Ее лицо пылало. Казалось, что лифт давит на нее со всех сторон. Она кашлянула, прочищая горло.

– Как начался пожар?

– Судя по всему, причиной возгорания была керосиновая лампа на кухне, которую опрокинули незадолго до того, как он застрелился в гостиной. Он определенно умер до начала пожара. Мы не нашли никаких признаков вдыхания дыма в трахее и легких.

Двери лифта распахнулись на уровне подземного этажа. Мерцали флуоресцентные лампы. Приближаясь к матовой стеклянной двери морга в конце коридора, Ребекка спросила:

– Как вы произвели опознание?

– Выстрел из ружья был сделан в рот из сидячего положения; выходное отверстие пули находилось в задней части черепного свода. Поэтому большая часть его челюсти осталась неповрежденной. Для сравнения мы воспользовались прижизненными стоматологическими данными и рентгеновскими снимками. Его дантист и его семейный врач – то есть мой муж Боб – снабдили нас информацией, связанной с состоянием его здоровья. Они опознали Ноя.

Такова была манера маленьких городков: все называли друг друга по имени. Все знали друг друга. Гордиев узел взаимосвязей. Дикси была медсестрой, работавшей ассистенткой у доктора Боба Маккракена, прежде чем выйти за него замуж, а теперь она стала коронером, ведущим расследование гибели одного из пациентов ее мужа.

Ребекка тоже была одной из старых пациенток доктора Маккракена, а теперь она ждала, когда Дикси покажет тело ее отца на столе морга.

Если бы она только смогла вернуться домой после его звонка и последний раз увидеть его живым! Возможно, ей удалось бы предотвратить такой конец.

– Я попросила присутствовать патологоанатома Берта Спайкера. Он сможет ответить на любые вопросы о вскрытии, которые у тебя появятся, – с этими словами Дикси нажала кнопку на стене, и матовые створки двери морга разошлись в стороны.

Глава 5

Началась перемена. Рикки и Тори укрылись от ветра за стеной спортзала, где Рикки тайком закурил сигарету.

– Мне страшно, Рикки, – сказала Тори и пнула кусок грязного льда. После недавнего происшествия она чувствовала себя отвратительно и *должна* была с кем-то поговорить об этом. Но она ничего не могла сказать Оливии, Коулу или своему терапевту. И никому другому. Иначе Рикки отправят в колонию для несовершеннолетних.

– Перестань нервничать. Уже прошло около недели, и все говорят, что это самоубийство и случайный пожар, – копы, пожарные, все остальные. Никто не знает, что мы там были.

– Но мы-то знаем, что кто-то был там, когда умер Ной Норд.

Рикки глубоко затянулся сигаретой. Тори не нравился запах, но она терпела, потому что это выглядело как проявление мятежного духа. Рикки выпустил струю дыма, которая кристаллизовалась в виде облака вокруг его лица. У Рикки под глазом красовался свежий синяк. Тори хотелось спросить, как это произошло, но в прошлый раз, когда она поинтересовалась причиной очередной травмы, Рикки взбесился и целую неделю не разговаривал с ней.

Ветер проносился над футбольным полем и задувал за угол. Тори засунула руки поглубже в карманы куртки. У нее онемели пальцы ног и горели кончики ушей. Мысленно она снова и снова переживала сцену пожара. У осин и тополей были глаза. Деревья *знали*, что они сделали. У Тори оставалось стойкое впечатление, что запись их поступков каким-то образом сохранилась в той осиновой роще. Ее приемный отец расследовал дела об убийстве. Он говорил ей, что каждый человеческий поступок оставляет свой след. Даже если он не сразу замечен, он остается видимым для тех, кто знает, как нужно искать. Она была уверена, что кто-то придет туда, где жил Ной Норд, и найдет этот след. Узнает о том, что она сожгла человека.

– Послушай, детка. – Рикки сделал последнюю затяжку, бросил окурок и втоптал его в лед. – Ты не сделала ничего плохого.

– Не называй меня деткой! – отрезала Тори. – Ты всего на несколько месяцев старше меня!

Рикки изогнул шею, и в его темных глазах промелькнул знакомый озорной огонек. Уголки губ приподнялись в насмешливой улыбке. Тори внутренне затрепетала, когда вспомнила прикосновение его губ к своим. Узел в животе немного расслабился. Совсем немного.

– Не шути со мной, Рикки, – проворчала она. – Это не смешно.

– Но это правда, – возразил Рикки. – Это я забрал чужую выпивку, а не ты. Ты всего лишь опрокинула лампу, потому что я дернул тебя и заставил оступиться.

Он замолчал, предлагая ей мысленный путь к спасению.

«Давай, Тори. Соглашайся. Это подушка безопасности».

– Если ты расскажешь им, Тори, то, наверное, они простят тебя. А я? Меня пошлют подальше отсюда. – Рикки помедлил. – Ты как, нормально?

Прозвенел школьный звонок.

– Я... я просто не могу отвязаться от мысли, что Ноя Норда убил тот человек на снегоходе, – тихо сказала Тори. – Если он узнает, что ты видел его, то он не будет знать, что я его не видела. Я вряд ли останусь в безопасности, если не буду знать, как он выглядит.

Лицо Рикки сделалось очень серьезным.

– Это другое дело. Сейчас он *не знает*, что мы прятались в том сарае. Но если ты разболтаешь, то он может узнать, и тогда... да, он придет за нами, чтобы заткнуть нам рты. – Он следил за ее лицом. – Ты подумала об этом?

Тори сглотнула. Конечно, она думала об этом.

– Мы *должны* держать это в тайне, Тори, – прошептал он.

* * *

Оливия наклонилась перед порывом тонкого белого снега, занесенного с озера, когда она прокладывала путь к маленькой бревенчатой хижине, где Коул проводил большую часть времени за сочинением своей новой книги. Она оставила Эйса в главном доме; земля была слишком скользкой для его разъезжающихся ног.

Когда она достигла двери хижины, то услышала звук снегохода, приближавшегося к дому. Из-за деревьев она увидела, как кто-то остановился у крыльца. Кем бы он ни был, Рошен позаботится о нем.

Оливия помедлила, прежде чем постучать в дверь. Ей не особенно нравилось нарушать творческий процесс Коула, но дверь распахнулась, прежде чем она успела передумать. Он стоял в двери с улыбкой на побитом жизнью лице. Из хижины струилось тепло от чугунной печи. Уютно пахло кофе и дымом.

– Я видел, как ты приехала. – Коул посторонился, пропуская Оливию, и закрыл за ней дверь.

– Знаешь, ты мог бы работать в домашней библиотеке, – сказала Оливия.

– Мне здесь нравится, – он улыбнулся еще шире. Но подводные течения – причины, по которым он давал ей больше свободного места, – оставались неизменными. Он ждал, пока она будет готова к большей близости.

– Кофе?

– Нет, спасибо. – Оливия помедлила. – Я... я ненадолго. Мне просто нужен твой совет, Коул, прежде чем отправиться в Клинтон и забрать Тори от психотерапевта.

Его улыбка померкла.

– Какой именно?

Оливия тяжело вздохнула:

– После пожара у Тори начались кошмары. Я слышала, как она плакала по ночам. А сегодня утром, когда я вошла в ее комнату, я обнаружила это.

Она расстегнула куртку, достала пустую бутылку и протянула Коулу. Он открыл бутылку и осмотрел маркировку на доньшке. Потом вскинул голову и посмотрел на Оливию.

– Думаю, она пила в своей комнате, – сказала Оливия.

– Лив, это брага Ноя Норда. Он датировал и отмечал свои партии с помощью этих значков.

– Знаю. – Она немного помедлила. – Думаю, она была там в тот вечер, когда случился пожар. Вместе с Рикки.

Глава 6

Помещение, где проводились вскрытия, было похоже на многие другие, которые Ребекке пришлось посещать за годы службы в полиции: голые трубы, сливы в кафельном полу, сосуды с рассеченными частями тела в формалине на полках, каталки и манипуляторы. Стальной шкаф для трупов с регулируемым температурным режимом. Но запах... к этому Ребекка так и не смогла привыкнуть.

В центре комнаты находился стол для вскрытия с большими металлическими весами старомодного бакалейного типа в ногах. На столе лежало тело, накрытое белой простыней.

У Ребекки свело живот. В голове раздался тихий звон.

– Ребекка, это доктор Бен Спайкер, – сказала Дикси.

Доктор Спайкер, весьма внушительный мужчина, стоял возле умывальника и споласкивал руки. Обсушив их, он повернулся и шагнул вперед. Его округлое лицо было таким же мясистым и тяжеловесным, как и все тело.

– Сожалею о вашей утрате, сержант Норд, – произнес он, со щелканьем натягивая резиновые перчатки. Его голос был гнусавым и странно высоким для такого объемного туловища.

Дикси предложила Ребекке жесткую белую маску. Ребекка покачала головой. Она хотела полностью осознавать все сенсорные сигналы, пусть даже это выглядело как разновидность самобичевания. За то, что ее не было рядом с отцом. Сама Дикси надела маску.

Доктор Спайкер немного отвернул простыню, открыв голову ее отца и верхнюю часть его плеч.

Ребекка вздрогнула и поборола желание отпрянуть назад.

Голова представляла собой почерневший бесформенный комок с белыми зубами, стиснутыми в смертной судороге.

Несмотря на прохладу в помещении морга, несмотря на то, что останки ее отца сохранились при минусовой температуре, запах горелой человеческой плоти мгновенно ударил в ноздри. Свиная, печеночная, почти мускусная сладость. Густота, проникающая в рот и оставляющая долгий след на обонятельных рецепторах.

Однажды пожарные рассказали ей, что когда человеческое тело сгорает целиком, то обогащенная железом кровь, которая запекается внутри, имеет металлический запах с привкусом меди. Внутренние органы, которые редко сгорают полностью из-за высокого содержания жидкости, пахнут как подгоревшая печенка. А спинномозговая жидкость спекается в мускусную жижу со сладким ароматом. К горлу подкатил комок желчи, желудок всколыхнулся.

То, что лежало на столе, не было похоже на человека, тем более на ее отца.

Полицейские из отдела убийств иногда называли обгоревших покойников *хрустящими жучками*. Юмор висельников, помогавший скомпенсировать нормальную человеческую реакцию. Но ничто – буквально *ничто* – не могло подготовить Ребекку к этой обгорелой, почерневшей коже, местами растрескавшейся и обнажавшей бледно-розовую плоть с прожилками желтого подкожного жира. Звон в ушах становился все громче. Время тянулось бесконечно. *Логика. Реальность.*

– Отодвиньте простыню, – велела Ребекка.

Доктор Спайкер посмотрел на нее, потом на Дикси. Та еле заметно кивнула. Патологоанатом сдвинул белую ткань над скрученными останками. Руки отца превратились в черные обугленные когти.

Вскрытие было проведено по свежему трупу. Кожа местами отслоилась, обнажая белозатонувшую плоть. Это тело, обгоревшее до неузнаваемости, некогда было отцом Ребекки. Одиноким отцом, который воспитал ее. Отцом, который держал ее за руку, штопал дырки на коленках и учил стрелять.

Тем, кто сидел с ней долгими вечерами, когда ее мать скорострительно скончалась от рака в весенний день, незадолго до двенадцатилетия Ребекки.

Ее сердце билось так часто, что она испугалась обморока.

Рвотные позывы были почти неукротимыми. Вид и запах – все вызывало тошноту. Но пока Ребекка сражалась за выдержку и контроль, за способность просто вдыхать этот запах, ее внезапно пронзила раскаленная игла ярости. *Ублюдок*. Как он мог так поступить с ней?

Как *она* могла это допустить?

– Вы уверены, что это он? – требовательно спросила Ребекка. Излишний вопрос, но она не могла удержаться. Ей не хотелось верить. Происходящее казалось ужасной ошибкой.

– Да, если судить по прижизненным показателям, – послышался гнусавый голос Спайкера. Как будто убедившись, что Ребекка нуждается в дальнейшем объяснении, он добавил: – В человеческом теле насчитывается двести шесть костей, и каждая из них уникальна. Это обеспечивает надежную основу для идентификации, если имеются рентгеновские снимки, сделанные при жизни. В нашем случае покойный на каком-то этапе своей жизни раздробил лучевую кость и имел вживленную хирургическую пластинку в правой руке.

– Это был укус старой полицейской овчарки. – Ребекка кашлянула и шагнула ближе, сосредоточившись на осмотре тела. Как ни странно, челюсть практически не пострадала, но Ребекке еще не приходилось видеть последствия выстрела в открытый рот. Она ощущала, что Дикси и доктор Спайкер наблюдают за ней, оценивают ее. Тихий шепот, зародившийся в душе Ребекки, зазвучал с неожиданной силой, так что волосы на шее инстинктивно зашевелились. Она *не могла* поверить, что ее отец сотворил такое с собой. Особенно с учетом того телефонного звонка. Того страха, который Ребекка услышала в отцовском голосе.

«Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что известно мне».

– Оружие нашли рядом с его телом? – спросила она.

– Помповый дробовик Моссберга двенадцатого калибра, – ответила Дикси. – Реконструкция показывает, что он сидел на стуле в гостиной с ружьем между ног. С оружия были собраны отпечатки пальцев вашего отца. Такие отпечатки могут выдерживать температуру до ста градусов Цельсия в течение нескольких часов, – пояснила она. – Примерно один из пяти предметов, собранных на месте пожара, содержит фрагменты дактилоскопического узора, пригодные для восстановления по стандартной процедуре.

– Если он застрелился, сидя в кресле, то почему он находится в такой позе, со скрюченными руками? Почему кожа на тыльной части его предплечий рассечена, как бывает при ножевых ранениях, когда человек пытается закрыться руками?

– При интенсивном горении тела приобретают характерные защитные позы, – сказал Спайкер после небольшой паузы. – Если в этом есть какое-то утешение, сержант Норд, то он определенно скончался прежде, чем обгорел.

Проклятые, никчемные мелкие соболезнования.

– А вы совершенно уверены, что причиной смерти была травма, полученная от ружейного выстрела? – Ей нужно было задать этот вопрос и услышать подтверждение от патологоанатома. Еще раз.

Спайкер кивнул:

– Если вы посмотрите на рентгеновские снимки на этом экране, – он указал на монитор, висевший на стене с его стороны, – то увидите, что ружейный ствол прикасался к небу, а дробины двигались вверх и назад. Как можно видеть, некоторые из них до сих пор находятся внутри черепа. На следующем снимке видны обширные повреждения мозга. Пострадал ствол мозга, а вот здесь... – он показал, – можно видеть другие пострадавшие области, включая продолговатый мозг, ткань мозжечка, средний мозг, варолиев мост и основание затылочной доли.

Спайкер обратился к своим записям, лежавшим на стойке перед монитором.

– Покойный имел значительное количество свернувшейся крови в правом легком. Его левое легкое весит 440 граммов, а правое – 970 граммов. Срез легкого показывает, что это гиперемированное, ателектазное, отечное, геморрагическое легкое с выделением пенистой геморрагической жидкости...

Его слова начали расплываться, когда звон в голове Ребекки усилился, словно пытаясь вытолкнуть доктора за пределы восприятия.

– Содержание алкоголя в крови составляло 0,242 – более чем в три раза выше разрешенного уровня для управления транспортным средством.

– Данные токсикологического анализа наряду с его историей алкоголизма и медицинскими записями о лечении от депрессии согласуются с выводом о самоубийстве как о причине смерти, – добавила Дикси.

Ребекка уперлась в нее тяжелым взглядом.

– Мой отец лечился от депрессии?

– Да, Боб направил его к психотерапевту, доктору Рио Миллеру из Клинтон. Кроме того, Ной публично заявлял о разочаровании в жизни.

– Где? Когда?

– В пабе «Лось и Рог». Не менее трех раз за последние несколько месяцев. Это выяснилось в ходе полицейского опроса. По словам бывших начальников и друзей, он утверждал, что считает себя полным неудачником в качестве полицейского и отца.

Глаза Ребекки заслезились от нахлынувших чувств. «Сосредоточься». Она вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Он не оставил предсмертную записку?

– Если она и была, то сгорела при пожаре, – тихо сказала Дикси. – Огонь был очень сильным, а потом еще усилился после взрыва цистерны с пропаном.

Она обменялась взглядом со Спайкером. Ребекка чувствовала, как неприятие услышанного физически сгущается вокруг нее, и понимала, что коронер и патологоанатом тоже ощущают это.

– Ребекка, я уверена, что тебе известно: при расследовании смертных случаев на пожаре всегда принято исходить из наихудших подозрений, пока не будет доказано обратное, и предполагать возможность поджога. В деле твоего отца ничто не указывает на подозрительную причину пожара или его смерти.

Ничего такого, что позволило бы привлечь дополнительные средства, составить группу по расследованию тяжких преступлений или провести дорогостоящую криминалистическую экспертизу и лабораторные анализы ради параноидного алкоголика, который считал себя неудачником.

Она снова слышала отцовский голос:

«Я полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье».

Какое «досье» имел в виду ее отец? Над каким делом он работал? Почему он ощущал угрозу для своей жизни? Была ли эта угроза реальной, воображаемой или сочетанием того и другого? Ребекка так или иначе собиралась выяснить это. Будет нелегко. Она собиралась слой за слоем препарировать последние дни своего отца, потому что в его смерти было что-то неправильное. Она не могла и не хотела поверить в его самоубийство.

– Я хотела бы получить полную копию вашего отчета, когда вы закончите, – сказала она.

– Разумеется, – отозвалась Дикси. – Когда я все подпишу, мы выдадим тело, и вы сможете устроить прощание. Вас устроит похоронная компания «Данвуди и Смит»? Я могу позвонить туда.

– Я сама управлюсь. – Ребекка кивнула Спайкеру, и он закрыл тело.

Поблагодарив его, она вышла из морга и поехала обратно на лифте вместе с Дикси, которая проводила ее до дверей клиники.

– Спасибо, – сказала Ребекка.

Но когда она уже готовилась выйти на холод, Дикси положила узкую ладонь на ее руку. Она напряженно посмотрела на Ребекку, как будто что-то прикидывая в уме.

– Тебе кажется, что это сделал не он, – наконец сказала она.

– Я знаю, что ты постаралась сделать все наилучшим образом, Дикси. Спасибо тебе за это.

Дикси не стала убирать свою руку.

– Но ты все же...

– Я не могу! – Чувство прорвалось наружу, и Ребекка на секунду отвернулась, чтобы собраться с духом. – Я... я просто не верю, что он это сделал.

– Отрицание. Это обычная реакция, Бекка.

– Спасибо за понимание.

Когда Ребекка вышла на улицу, северный ветер наискось хлестнул ее по лицу, завывая и проносясь вокруг обледеневших автомобилей, сгрудившихся на стоянке. Ребекка приветствовала острые лезвия холода. Ей хотелось чистого ветра из Арктики, чтобы смыть густой запах обгоревшего трупа отца с ее волос, убрать его изо рта и ноздрей, удалить с кожи.

Ребекка отперла взятый напрокат маленький серебристый «приус» и забралась на водительское место, дрожа всем телом. Когда она завела двигатель и включила обогреватель, чтобы очистить окна от морозного тумана, то заметила Дикси, смотревшую на нее из окна больницы, с папкой для бумаг, прижатой к груди.

Ребекка поняла, что, как бы она ни старалась избегать места, которое когда-то называла своим домом, оно нашло способ зацепить ее и вернуть обратно. Оно еще далеко не разобралось с ней... как и она с ним.

Она собиралась выяснить, что стало причиной смерти ее отца.

Но для этого ей придется вернуться больше чем на двадцать лет в прошлое, к Эшу Хогену. К тому мужчине, который расколол ее сердце пополам и показал ей смысл предательства в самой грубой форме. К человеку, которого она изо всех сил старалась избегать каждый раз, когда возвращалась домой ради коротких и вынужденных визитов к своему отцу.

«Я знаю, что он лгал, Бекка.

Вы оба лгали.

Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, не так ли? От чего ты защищала его в тот день?»

Она посмотрела на часы. В это время года световой день был коротким. Ей нужно было шевелиться, если она хотела зарегистрироваться в мотеле «Карибу-Лодж», встретиться с капралом Джонстоном и успеть нанести предварительный визит к сгоревшему дому своего отца, прежде чем станет совсем темно.

Мне кажется...

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Все, что я хочу – это пожить в Эл-Эй.
Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй...

Это хит нынешнего лета, и Уитни считает его своей любимой мелодией. Она играет в автомобильном радио, когда Уитни садится на пассажирское место проржавевшего красного пикапа, а он кладет в багажник свой старый дорожный чемодан.

«Это знак», – думает она. Ее мелодия звучит по радио, когда он забирает ее. Знак того, что она наконец-то выберется из этого дерьмового городка и все будет классно. Она покачивает головой в такт мелодии.

Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Ее сумка собрана. Она оставила записку своей маме. У нее есть деньги. Здравствуй, Голливуд, здравствуй, Лос-Анджелес, я иду!

Она садится на место водителя. Она улыбается ему.

Но его лицо остается мрачным. Лыдисто-голубые глаза смотрят недобро. Когда он выезжает на дорогу, ее настроение меняется. Она смотрит, как он ведет машину. Его ответственный профиль напоминает ей жесткие выступы хребта Марбл-Маунтинс, на который она любит смотреть, когда заходит солнце.

Наверное, она будет скучать по горам.

Его руки крепко сжимают рулевое колесо. Закатанные рукава открывают загорелые предплечья. Волоски на них выцвели и побелели после целого лета работы на ранчо. Даже в его густых, темных волосах появились светлые пряди.

«Автомобиль пахнет им», – думает она. И сеном. И пылью. Все покрыто тонким слоем пыли, изнутри и снаружи. Это из-за сухих грунтовых дорог. Хотя уже конец сентября, снова наступило тепло, и в опущенные окошки, когда они приближаются к автостраде, веет запахом шалфея и навоза. Индейское лето. Последние теплые дни перед приходом зимы, которая сжимает бьющееся сердце городка ледяной хваткой.

«В Калифорнии всегда теплые зимы, – хочется ей сказать. – Теперь этот город может задохнуться под снегом и льдом, мне все равно».

– У тебя есть деньги? – спрашивает он, не глядя на нее.

Она испытывает внезапный укол беспокойства.

– Да. – И немало. Но ему не положено знать об этом.

Песня на радио сменяется другой, более скорбной и тоскливой. Мимо громыкает авто-тягач с прицепом.

– У тебя есть все, что тебе... нужно?

– Тебе-то какое дело? – раздраженно фыркает она, потому что он нарушил ее настроение. – Какое тебе дело до того, что у меня есть и чего нет?

Он сердито смотрит на нее. Гнев в его взгляде пронзает ее душу; его сила давит ей на грудь и затрудняет дыхание. Она тянется к сигаретам, закуривает и выдыхает дым в окошко.

– Ты не должна так себя вести.

– Иди ты к черту. Все кончено. Вряд ли для меня будет иметь значение, что ты еще скажешь.

Он едет в молчании и через некоторое время снова смотрит на нее. На этот раз она видит боль. Парень в большой беде, и это пугает ее.

– Ты можешь ехать быстрее? Я не хочу пропустить автобус.

Когда они огибают поворот, она видит Тревора, ждущего под знаком остановки автобуса Renegade Bus Line. Он в черных джинсах и черном кожаном пиджаке. Его рюкзак валяется в пыли у его ног.

– Какого дьявола? – Он тормозит и гневно смотрит на нее. – Что здесь делает этот ублюдок?

– А тебе-то что?

Он моментально сворачивает с дороги и едет по грязной обочине, едва не опрокидывая Тревора, который отважно стоит на месте и не двигается ни на дюйм. В последний момент он так резко тормозит, что она дергается вперед вместе с поясом безопасности; потом ее голова откидывается назад и ударяется об охотничье ружье в ружейной стойке за ее спиной.

– Господи!

– Скажи мне, что он здесь делает! – Он протягивает руку и выхватывает сигарету у нее изо рта.

– Эй, придурок! – Она тянется за сигаретой.

Он выбрасывает окурок в окно.

– Я разговариваю с тобой. Черт побери, Уитни, уж разговором ты мне обязана.

– Пошел ты на хрен, Хоген. Я тебе обязана гонореей.

Он смотрит на нее словно громом пораженный. В нем горячими волнами пульсирует энергия.

Внезапно он отстегивает пояс и распахивает дверь со своей стороны.

– Оставайся в машине, – властно произносит он.

Глава 7

Карибу-Кантри, 14 января, понедельник

Ребекка сидела напротив констебля Бака Джонстона за металлическим столом в полицейском участке Клинтона. Крошечный отдел Королевской конной полиции состоял из двух человек и вспомогательного персонала, в случае тяжких преступлений вызывали сотрудников из других округов. Отдел выглядел точно так же, как в то время, когда здесь работал ее отец. Вероятно, даже стол остался прежним.

Бак держал перед собой папку с материалами дела, сбоку стояла коробка пончиков. Старые тепловентиляторы гнали нагретый воздух, но Ребекка не сняла парку. Она подозревала, что холод, пробиравший ее до мозга костей, связан скорее с тем, что она видела в морге, а не с холодным фронтом из Арктики.

Ей удалось снять номер в мотеле «Карибу-Лодж» в нескольких кварталах от полицейского участка.

Это было единственное место в городе, где можно остановиться и переночевать. Она оставила свой «приус» на автостоянке мотеля и прошла пешком по главной улице в надежде, что физическая разминка поможет согреться.

Не получилось.

– Кофе? – предложил Бак. – У меня тут есть кое-какая выпечка из «Пончикового кафе» Додда.

– Нет, спасибо.

– Трудно поверить, но Дот до сих пор жив. – Бак придвинул свой стул ближе к столу. Он явно испытывал неловкость и пользовался легкой беседой как прикрытием от напряжения, исходившего от Ребекки. Она и представить не могла, что Бак когда-нибудь станет полицейским. В школе он был неуклюжим толстяком, и дети издевались над ним из-за лишнего веса. Но он вырос, стал заметно выше шести футов, и теперь небольшая полнота только красила его. Его большие глаза имели зеленовато-голубой оттенок, а темно-каштановые волосы были коротко стрижены и уже начинали редеть. Румяное лицо с лучиками морщин вокруг глаз могло принадлежать фермеру, а заскорузлые пальцы – зимнему охотнику. Ребекка задавалась вопросом, унаследовал ли он ранчо своих родителей и женат ли он. Обручального кольца не было.

– Правда, теперь заведением управляет не Дот, а Марси Фоссам, – продолжал Бак. – Помнишь Марси? Ее дочь сейчас учится в колледже в Ванкувере. Марси выкупила это кафе вскоре после твоего отъезда из города...

– Если тебя не затруднит, Бак, мне хотелось бы поскорее перейти к сути дела. Мне нужно знать, что случилось на самом деле.

Выражение его лица изменилось, и он слегка прищурился. Потом раскрыл папку и откашлялся.

– Когда пожарные приехали туда, весь дом был охвачен огнем. Им не оставалось ничего другого, как сдерживать его распространение. – Он поднял голову и коротко взглянул на Ребекку, прежде чем вернуться к своим записям. – Войти туда и приступить к поискам Ноя стало возможно только на рассвете. И это было непростым делом, потому что взрыв цистерны с пропаном практически сровнял дом с землей, а вода из пожарных насосов замерзла и покрыла место происшествия толстым слоем льда. Но мы – констебль Эми Беккет и я – с первыми лучами солнца сфотографировали и описали место происшествия. У меня есть фотографии, я попросил отпечатать их для тебя.

Он выбрал несколько глянцевого фотографий из папки и подтолкнул их к Ребекке, как будто сдавал карты. После некоторого колебания он снова встретился с ней взглядом.

– Мне нравился твой отец, Бекка, – тихо сказал он. – Он всем нам нравился. Ной был необыкновенным человеком, и мы перед ним в долгу за годы его службы. Он вдохновил меня стать офицером полиции... Этого не должно было случиться. Нам следовало это предвидеть и что-то предпринять. Как-то вмешаться.

Ребекка смотрела на его лицо. В глазах Бака она читала печаль и сочувствие. С некоторым изумлением она осознала, что он тоже чувствует себя виноватым. Она не знала, что ее отец стал источником вдохновения для Бака. Но в выражении его лица было и нечто осуждающее и настороженное. Это *она* должна была предвидеть исход событий. Она отказалась от верности своему отцу и этому городу, она покинула свой дом, чтобы стать лучшей, более известной и раскрученной блюстителем закона в густонаселенной части страны – в центре цивилизованной жизни по сравнению с сельским болотом, которое находилось в ведении капрала Бака Джонстона.

Ее вдруг посетила мысль, что Бак Джонстон оказал эту услугу – передал ей фотографии с места пожара – ради ее отца, а не ради нее самой.

Внезапно Ребекка почувствовала себя обнаженной и уязвимой. С этим чувством она не собиралась мириться.

– Спасибо, Бак, – тихо сказала она.

Он сделал глубокий вдох и постучал указательным пальцем по первой фотографии.

– Причиной пожара считается упавшая керосиновая лампа на кухне у Ноя, вот здесь. Такова интерпретация ребят из следственной группы пожарного департамента.

Ребекка вздрогнула, глядя туда, где когда-то находилась кухня их семейного дома. Место было неузнаваемым. Дом оказался буквально стерт с лица земли. Повсюду обгоревшие и почерневшие перекрученные куски пластика и металла, вмерзшие в лед и окаймленные жутковатыми сосульками по краям. Ребекка вспомнила тело своего отца в море, и ее сердце учащенно забилося.

«Сосредоточься».

Она заставила себя сузить фокус внимания на указательном пальце Бака.

– Имеющиеся свидетельства согласуются с версией, что лампа была опрокинута с кухонного стола, разбилась, и пролившийся керосин загорелся под столом.

Его палец переместился на следующую фотографию.

– Патроны для дробовика, рванувшие во время пожара. Это такие же боеприпасы, которыми Ной зарядил свой «моссберг». Оружейный сейф у двери, вот здесь, был пустым и незапертым. – Бак перевел взгляд с фотоснимка на Ребекку. – Наше предположение состоит в том, что он достал дробовик из оружейного сейфа и поставил на стол коробку с патронами. Потом зарядил оружие за столом на кухне и пошел в гостиную, где сел в кресло-качалку и установил ружье в положение для выстрела. Анализ распространения огня показывает, что он мог опрокинуть лампу, когда заряжал дробовик на кухне. Либо он не заметил этого из-за высокого уровня алкоголя в крови, либо ему было все равно, потому что он собирался застрелиться, прежде чем огонь доберется до него.

Ребекка потеряла ладонью лоб.

«Раздели информацию на составные части и проанализируй их. Ты можешь это сделать».

– А где другое оружие? У моего отца было еще одно ружье, кроме дробовика.

– Оно находится в его «шевроле сильверадо». Заперто в оружейном ящике в кузове. Автомобиль находится на охраняемой стоянке. – Бак открыл ящик стола и достал ключи. – Его ружье и боеприпасы надежно заперты, поэтому мы оставили их в машине. Разумеется, мы обыскали автомобиль, но не обнаружили ничего примечательного. Разве что початую бутылку браги, которую мы конфисковали вместе с запасами алкоголя из его сарая и незаконным перегонным кубом. Сарай оказался единственной надворной постройкой, не тронутой огнем,

потому что в ту ночь сильный ветер дул в противоположную сторону. – Бак поскреб подбородок, испытывая явную неловкость. – На заднем сиденье автомобиля есть кое-какая одежда и снаряжение. Снегоступы, инструменты и всякий хлам.

Бак посмотрел в окно, словно наблюдая за флагом, резко хлопавшим на ветру перед зданием. По краям окон выросли филигранные морозные узоры.

– Его автомобиль оснащен хорошими зимними колесами с шипованными покрышками, – тихо сказал он. – Это тебе пригодится, если ты собираешься отправиться туда.

– Да, собираюсь. Во второй половине дня. Спасибо. – Ребекка потянулась за ключами. – Значит, его тело нашли в кресле-качалке в гостиной?

Бак кивнул.

– Оно сплавилось с синтетической тканью. А потом замерзло во льду, потому что пожарные долго заливали тлеющие остатки дома. Пришлось выкалывать его изо льда вместе с креслом, а потом патологоанатому пришлось медленно и довольно долго размораживать, иначе внешние слои начали бы распадаться, в то время как внутренние остались бы замороженными...

– Я все поняла.

Он облизнул губы и показал ей очередную фотографию: тело ее отца в обгоревшем и расплавленном кресле, заключенное во льду.

– Мы отметили то место, где высвободили его изо льда вместе с креслом, – продолжал Бак. – Судя по анализу свидетельств на месте пожара и нашей реконструкции его передвижений в тот день и даже за несколько недель до происшествия, на основании его разговоров со знакомыми в «Лосе и Роге», его медицинских записей, уровня алкоголя в крови и состояния его психики... в какой-то момент в предыдущие дни или недели твой отец принял решение покончить с собой, Бекка. В последний день он напился до такого состояния, когда человек становится неуклюжим и начинает спотыкаться. Он зарядил свой дробовик, натываясь на разные вещи, пошел в гостиную и застрелился.

Ребекка быстро просмотрела остальные фотографии, плотно сжав губы.

– Тебе известно, что он работал над «холодными» делами? – спросила она.

– Ной? Он все время проводил так называемые расследования.

Она встретила взгляд его зеленовато-голубых глаз.

– Его беспокоило что-то конкретное?

– Бекка, твой отец выдумывал всевозможные теории заговоров и вел себя как параноик. – Бак помедлил. – Мы все знали об этом.

– Когда появилось сообщение о пожаре?

– В 17.45. Позвонил Коул Мадона с соседнего ранчо Броукен-Бар. Он организовал других соседей, которые могли оказать помощь.

– А где побывал мой отец в тот день?

– В пабе «Лось и Рог», сидел там с самого открытия.

В животе Ребекки всколыхнулась волна тошноты. Он позвонил ей из места, расположенного рядом с пабом. Она сама могла бы поклясться, что ко второй половине дня ее отец был пьян.

– Расследование пожара началось на следующее утро. Никаких свидетельств поджога. Никаких признаков подложной растопки, открытых окон для доступа воздуха или других намеренных изменений обстановки. Нет признаков, что постройка была специально подготовлена для пожара. Нейтральные указания, такие как отсутствие ценной мебели, ювелирных украшений, фотографий, чучел и других подобных вещей, тоже отсутствуют.

– У отца не было ничего ценного.

Кроме его драгоценных досье с документами расследований, которые теперь сгорели.

– Кроме того, у него не было никаких долгов, проблем с заложенным имуществом или мотивации для получения страховки, – добавил Бак.

Ребекка откинула волосы со лба и приладила их, как будто это могло привести в порядок ее мысли.

– Иногда вещи ровно такие, какими они выглядят, Бекка. Я уверен, что тебе известно об этом.

– Правда. Иногда бывают сложные вопросы и простые ответы. Кажется, это сказал доктор Цейс. – Она потянулась за фотографиями и забрала их. – Спасибо за снимки. Теперь я собираюсь отправиться туда.

– Там мало что можно увидеть из-за снега и льда. Все заиндевело за последние несколько дней.

– Мне просто нужно посмотреть, понимаешь? Соприкоснуться с этим местом.

Он кивнул.

Когда Ребекка выравнивала стопку фотографий, что-то всплыло на поверхность ее мыслей.

– Если его автомобиль стоит здесь, на охраняемой стоянке, то как он в тот день добрался домой из «Лося и Рога»?

– Эш Хоген подбросил его до дома.

Ребекка почувствовала укол леденящего холода и уставилась на Бака:

– Эш?

– Да. Он обнаружил Ноя в круглосуточном магазине на автозаправке «Петрогаз». Ной оставил свой автомобиль возле «Карибу-Лодж», потому что бармен Солли запретил ему управлять машиной. Ной сказал ему, что собирается прогуляться пешком и навестить Клайва Додда, который живет за автозаправкой. Иногда он ночевал на диване у Клайва. Эш предложил Ноем подбросить его, потому что сам ехал в ту сторону. По его словам, он высадил Ноя возле дома около четырех часов дня. Они вошли и пропустили по стаканчику. Потом Эш уехал домой.

У Ребекки горело лицо.

– Поездка от фермы моего отца до «Петрогаз» занимает сорок пять минут. Что происходило между полуднем и четырьмя часами дня, когда они приехали на место?

– У Эша были какие-то дела по пути.

– То есть он последний, кто видел моего отца живым?

– Предположительно, это именно так.

Время растянулось. Ветер бушевал снаружи, заставляя старое здание поскрипывать, а оттяжку флага с лязгом хлопать по флагштоку. Темный, чернильный холод медленно вползал в Ребекку и утверждался где-то глубоко внутри. Вместе с ним пришло ощущение зловещего, наползающего облака.

«Он лгал.

Вы оба лгали.

От чего ты защищала его в тот день?»

Глава 8

Ребекка вышла из полицейского участка. Нежеланные воспоминания об Эше прокручивались в мозгу, пока она шла к отцовскому автомобилю. Как Эш обманывал ее. Как он в конюшне совратил Уитни Ганьон той жаркой июльской ночью во время ежегодного фестиваля родео в Клинтоне больше двадцати лет назад. Ту ночь, когда все изменилось.

В летнем воздухе висел густой аромат сахарной ваты, переплетенный с запахами сена, навоза, праздничных костров, бургеров, выпечки и далеких лесных пожаров. Музыкальная группа исполняла песню, которая нравилась Ребекке, и ей захотелось потанцевать с Эшем, поэтому она пошла искать его. Она заметила, как они с Уитни поспешно выходят из амбара, поправляя одежду, с раскрасневшимися лицами и спутанными волосами. Ее сердце и ее мечты разломились пополам, когда она встретила взглядом с Эшем.

Эш поклялся ей, что это была единственная измена. Ужасная ошибка. Потом, в конце лета, Ребекка постепенно начала верить ему, верить в то, что она снова может надеяться на него.

Но потом до нее дошли городские сплетни. Люди видели, как Эш и Марти Фоссам ошиваются с Уитни в баре в Девилс-Батт. В августе и сентябре того года он много раз обещал Ребекке, что все кончено. И ощущение предательства было полным.

В том году она заканчивала школу и поклялась, что сразу же после получения аттестата уберется к чертям из города, как это сделали Уитни и Тревор в конце сентября. Эш должен был унаследовать ранчо Хогена от отца, и Ребекка не могла вытерпеть мысли о том, что ей снова придется сталкиваться с ним и со своей болью. Она никого не любила так, как когда-то любила Эша. И она больше никогда, никогда не хотела видеть его. Ни при каких обстоятельствах. Особенно теперь.

Потому что, несмотря ни на что, какая-то крошечная темная часть ее существа не переставала любить Эша. И она невольно сравнивала с ним каждого мужчину, с которым была с тех пор. И приходила к неутешительным выводам.

«Я знаю, что он лгал».

Да, он много лгал.

«От чего ты защищала его в тот день?»

Ребекка едва не сбилась с шагу от неожиданной мысли.

Тот день был последним воскресеньем сентября.

День, когда она увидела Эша, раненного и растерянного, бредущего по дороге в грозу.

В тот самый день люди видели, как Уитни и Тревор сели в белый автофургон с орегонскими номерными знаками, чтобы уехать в Лос-Анджелес.

Холодное, темное предчувствие, которое Ребекка испытала в офисе Бака, усилилось и загустело, как битум. Ей не нравились эти внезапные открытия, особенно в контексте смерти ее отца.

Она обнаружила старый, побитый «сильверадо» отца на автостоянке рядом с блестящим черным «фордом F-350» последней модели.

Ребекка присела на корточки, чтобы осмотреть покрышки, ветер трепал ее волосы. Там действительно имелись шипы, и протекторы выглядели хорошо. По крайней мере об этом отец позаботился. Но в остальном автомобиль представлял собой ржавую и натруженную рабочую лошадку, которую лучше было бы отправить на покой. Он резко контрастировал рядом с большим и шикарным «фордом».

Ребекка снова посмотрела на «форд F-350», когда открывала дверь отцовским электронным ключом. Черный красавец мог похвастаться бортовым компьютером, затейливой хромированной решеткой бампера, «кенгурятником» и другими мелкими аксессуарами, включая

наклейку на заднем окне с изображением оскаленного волка. Все в нем дышало тестостероном. Интересно, чей это автомобиль, – возможно, Бака Джонстона?

Дверь «сильверадо» не желала открываться. Ребекка выругалась сквозь зубы. Ей понадобилось еще три попытки, прежде чем замерзший механизм замка наконец сработал. Дрожа от холода, она забралась внутрь, онемевшими пальцами вставила ключ в замок зажигания и повернула наполовину, чтобы включился свет на приборной доске. Убедившись, что аккумулятор работает, она повернула ключ до конца. Двигатель провернулся два-три раза, запнулся, кашлянул и заглох.

Ребекка снова выругалась.

Дрожа все сильнее, она повторила этот процесс еще четыре раза. Наконец старый двигатель прокашлялся и неровно заурчал, автомобиль изрыгнул черное облачко выхлопных газов.

Ребекка включила обогреватель на полную мощность и потерла руки, ожидая, пока машина немного прогреется. Когда стало теплее, она пошарила в куче одежды на заднем сиденье и обнаружила старую охотничью шапку, подбитую овчиной, широкий флисовый шарф, большие перчатки, фермерскую куртку на теплой подкладке и лыжные штаны. Ребекка немедленно завернулась в шарф, надела шапку и опустила наушники. Потом напялила на себя просторную отцовскую куртку, все еще хранившую его запах.

Ребекка замерла.

Запах пробудил воспоминания, ударившие так мощно и неожиданно, что производили почти физическое ощущение, и какое-то время она словно сидела в присутствии отца, как будто частица его еще оставалась в автомобиле, а его руки обнимали ее рукавами куртки. Тогда Ребекка поняла, что вернулась домой. Ее глаза наполнились слезами.

«Я люблю тебя, папа».

Ребекка вытерла слезы. Почему она столько лет не говорила ему эти простые слова?

Как получилось, что она не возвращалась домой и не оставалась надолго, действительно надолго? Ребекка вытерла нос и надела перчатки.

«Я собираюсь сделать это ради тебя, ладно? Я собираюсь все выяснить. Какое-то время я пробуду здесь, обещаю».

В отделении для перчаток она нашла скребок для снега, вышла наружу и очистила остатки льда с ветрового стекла. Когда она забралась обратно, внутри стало теплее. Но потом она потянулась за пристяжным ремнем, взглянула на приборную панель и глубоко вздохнула. Дизельный бак почти опустел.

Она решила заправиться на стоянке «Петрогаз» по дороге. Заправка находилась недалеко, у северного края города. Кроме того, Ребекке хотелось узнать, говорил ли там кто-нибудь с ее отцом, когда Эш нашел его там незадолго до огненной кончины. Ей *нужно* было встретиться с отцом в последний раз, увидеть последний день в его жизни его собственными глазами. Тогда, наверное, она получит какой-то крошечный намек на его поведение.

Или же ей хотелось просто чем-то заткнуть дыру в своем существе, вызванную его отсутствием.

Овеянная запахом отцовской одежды, окутанная теплом воспоминаний, Ребекка направила гроыхающий старенький «сильверадо» на дорогу к автозаправке. По мере того как она заново знакомилась с повадками отцовского автомобиля и особенностями зимнего состояния местных дорог, ей казалось, что ее втягивает в кротовую нору времени. Ее работа далеко на востоке, ее стерильная квартира, модная одежда и Лэнс, ее любовник от случая к случаю, – все это становилось отдаленным и нереальным с каждым следующим шагом в ее прошлое.

Ребекка заправила бак и направилась в магазин на стоянке, чтобы расплатиться. Когда она толкнула дверь, звякнул колокольчик. Женщина за стойкой подняла голову, а мужчина, стоявший на стремянке и раскладывавший товары на полках, обернулся и посмотрел на Ребекку. Оба имели ближневосточную внешность.

– Холодно сегодня, – сказала женщина, изучая наряд, в который облачилась Ребекка. Краем глаза Ребекка уловила свое отражение в зеркале и посмотрела еще раз. Ее лицо под старой охотничьей шапкой было призрачно-бледным. В нескольких слоях одежды, с красным носом и покрасневшими глазами, она выглядела бездомной бродяжкой. Ребекка попробовала улыбнуться, когда женщина проверила стоимость заправки и взяла ее кредитную карточку, но лицо было жестким от холода.

Прежде чем она успела задать свои вопросы, мужчина слез со стремянки и дернул подбородком в сторону окна.

– Кажется, это автомобиль Ноя Норда?

– Да. Я его дочь, Ребекка Норд. Я... я приехала так быстро, как смогла, но погода... – Она закашлялась и осознала, что пытается объясниться и оправдаться. Поскольку она чувствовала себя виноватой, то проецировала это чувство на других, как будто они заранее осуждали ее.

– Ужасное известие, – сказал мужчина, вытирая руки полотенцем. – Мне очень жаль. – Он протянул руку: – Меня зовут Абдул Малик, а это моя жена, Камала. Ной говорил, что у него есть дочь, тоже офицер полиции.

Камала протянула Ребекке товарный чек, и та взяла его.

– Насколько мне известно, мой отец был здесь в день своей смерти, – сказала она. – Вы, случайно, не работали в тот день? Вы видели его? Может быть, разговаривали с ним?

Абдул криво усмехнулся:

– Когда это мы не работали круглые сутки семь дней в неделю, а, Камала?

– Верно, – отозвалась Камала. – Ной зашел купить сигарет. Он часто бывал здесь, как и большинство жителей города. Здесь одна заправочная станция на северной окраине, а другая – на юге.

– *Сигареты?* – Ребекка нахмурилась.

– «Денали плэйн», насколько я помню, – сказала Камала.

– А он... он делал это раньше? В смысле, покупал здесь сигареты?

Ребекка убрала чек в карман. Ее отец не курил. Но опять-таки, как много на самом деле она знала о своем отце?

Супруги обменялись взглядами. Абдул пожал плечами.

– Наверное, покупал, – ответила Камала. – Точно не припомню. В основном он приезжал сюда на заправку. Иногда покупал газеты и кое-какие журналы для охотников. – Она покосилась на стойку с журналами и несколькими книгами в мягких обложках. – А иногда он покупал пакет молока.

– Он в тот день выглядел как обычно? Нормально?

Супруги снова обменялись взглядами.

– Мне известно, что в тот день он пил с утра, – сказала Ребекка.

Абдул кивнул.

– Да, иногда он приходил сюда в таком виде. – Он чуть пожал плечами, словно сожалея, что приходится говорить правду.

На заправку въехал мотоцикл и остановился у ближайшей колонки. Мотоциклист был одет в черное. Его сопровождал темно-серый грузовик с двумя снегоходами на борту. На их полозьях остался намерзший лед с комьями снега.

Супруги заметно напряглись, когда мотоциклист спешил и снял свой шлем. На нем была теплая полумаска с изображением скелета, закрывавшая нос и рот. Сдвинув ее на подбородок, мотоциклист зашагал к магазину.

Абдул снова забрался на стремянку и стал заполнять полки. Ребекка чувствовала, что окно возможности для получения информации быстро закрывается.

– Мой отец что-нибудь сказал? – быстро спросила она.

Камала покачала головой, и маленький бриллиант, вправленный в крыло ее носа, блеснул отраженным светом.

– Он не сказал ни слова, – тихо ответила она. – Просто подошел к стенду у окна, вон там. – Она показала кивком головы. – Он стоял там достаточно долго, чтобы я начала гадать, на что он смотрит или кого он ждет. Я спросила его, но он лишь пожал плечами. Потом пришел мистер Эш Хоген. Он находился с другой стороны бензоколонки и заправлял свои баллоны пропаном. Он пришел заплатить за газ, увидел пьяного Ноя и предложил подбросить его до дома.

Звякнул колокольчик, и дверь открылась. Вошел мотоциклист – крупный мужчина с бритой головой и обветренным лицом.

– Вы помните, в какое время это было? – спросила Ребекка, когда мужчина пошел в заднюю часть магазина и стал наливать себе кофе.

– Примерно в полдень, да, Камала? – произнес Абдул со стремянки.

Камала кивнула:

– Я знаю, потому что водитель бензовоза тогда приехал заполнять цистерну, и я вышла на улицу, чтобы поставить ограждение вокруг этой части заправки.

Мотоциклист приблизился к стойке с чашкой кофе в руке. Он стоял за спиной Ребекки и ждал. Нужно было срочно заканчивать разговор.

– А камеры наблюдения? – тихо спросила она, кивнув на экран за стойкой. – У вас не сохранилось записей, сделанных в тот день снаружи и внутри?

Камала начала нервничать.

– Я сейчас обслужу вас, – сказала она мужчине и повернулась к Ребекке: – Наша система переписывает предыдущие записи через семьдесят два часа, если только мы специально не сохраним цифровую копию.

Ребекка кивнула:

– Большое спасибо за вашу помощь.

Повернувшись, она едва не столкнулась с мотоциклистом. Он немного посторонился.

Когда Ребекка вышла из магазина, ледяной ветер сразу хлестнул в лицо. Она оглянулась: все смотрели на нее. Она понимала, что мотоциклист спросил супругов Малик, кто она такая и чего хочет, и почти не сомневалась, что те рассказали ему обо всем. Они нервно относились к этому человеку, и Ребекка знала почему. Современные иммигранты, особенно с Ближнего Востока, далеко не всегда были желанными гостями в сельской глубинке, населенной в основном фермерами, несмотря на более либеральное отношение к ним в крупных городах.

Так или иначе, Ребекка была уверена, что весть о ее возвращении и о вопросах, которые она задавала насчет своего отца, теперь будет распространяться со скоростью лесного пожара.

Плотнее запахнувшись в отцовскую куртку, она вернулась к «сильверадо» через другую сторону бензоколонки. Когда она проходила мимо мотоцикла, то обратила внимание, что это «харлей». Из грифельно-серого грузового «шевроле» за мотоциклом доносился гулкий басовый ритм. Стекла были затемнены, а на бампере красовалась наклейка с черепом и надписью «Следопыт». Ребекка не видела, кто находится внутри, но чувствовала, что за ней наблюдают. Она снова убедилась в том, что к вечеру весь город будет знать о ее приезде.

Она забралась в «сильверадо» и завела двигатель, думая о сигаретах, купленных ее отцом. Это казалось странным. Если отец собирался посетить старого Клайва Додда, то мог купить сигареты для него. Визит к Додду значился в ее списке. После разговора с Эшем, бывшим любовником, которого она старалась избегать последние двадцать лет. Но теперь настала пора.

Пока она ждала у выезда с автозаправки, пропуская почтовый фургон, ее внимание привлекла розовая неоновая вывеска на другой стороне улицы: «Пончиковое кафе дядюшки Додда». Тогда Ребекка поняла, что голодна как волк.

Кофе с сахаром и свежей выпечкой казался желанным избавлением. Ребекка решила заглянуть внутрь и приобрести что-нибудь, помогающее скрасить сорокапятиминутную поездку до ее бывшего дома.

Глава 9

Оливия сидела напротив Тори в маленькой кабинке «Пончикового кафе дядюшки Додда» у окна, выходявшего на улицу.

Воздух внутри был теплым и густым от ароматов кленового сиропа, ванили и шоколада, перемешанных со слабым мускусным запахом курток, шапок и рукавиц, оттаивавших на спинках стульев или на вешалке у входа.

Эйс лежал под столом у их ног. Оливия привезла его в город для визита к ветеринару и обещала Тори поход в пончиковую как награду за посещение психотерапевта после школы.

Тори несколько раз потыкала вилкой в свой пончик, прежде чем куснуть. Крошки разноцветной обсыпки облепили губы, пока она жевала.

Оливии хотелось взять салфетку и стереть их с лица дочери. Но сегодня Тори окружила себя стеной неприязненной защитной энергии, поэтому Оливия воздержалась. Но даже так вид собственной дочери, жевавшей пончики, с веселыми разноцветными точками на сердитом лице, наполнял Оливию чувством, которое она могла определить только как любовь, сладостно-горькую и всеобъемлющую любовь. Ей отчаянно хотелось прикоснуться к дочери так же, как другие матери прикасаются к своим детям, – так же, как ее собственная мать когда-то прикасалась к ней, прежде чем Юджин Джордж не похитил ее и не превратил в оскверненное существо, к которому не хотел прикасаться даже муж. Оливия нуждалась в этой человеческой связи точно так же, как противилась ей долгие годы после своего тяжелого испытания. Ей страстно хотелось обнять свою двенадцатилетнюю дочь, прижать к себе и гладить ее мягкие темные волосы. Она желала этого каждой крупницей своего существа, и, наверное, сильнее всего она хотела, чтобы Тори хотя бы один раз назвала ее *мамой*.

Оливия глубоко дышала, погрузившись в воспоминания. О Тори, крошечной новорожденной девочке. О том, какой мукой было грудное вскармливание после тех истязаний, которым она подверглась во время своего пленения. О том, как сначала она даже подавляла желание посмотреть на плод изнасилования, хотя и признавала своим младенца, плакавшего в колыбели. О том, как журналистка Мелоди Вандербильт пришла в больницу взять у нее интервью. О том, как Мелоди в конечном счете нашла выход для Оливии, спросив, могут ли они с мужем, полисменом Гейджем Бартоном, удочерить ребенка, к которому Оливия в то время не хотела прикасаться, несмотря на материнские чувства.

О том, как Мелоди погибла во время горной прогулки, а потом Гейдж отправился на охоту за Юджином, чтобы сделать мир более безопасным для Тори, потому что сам он был тяжело болен и чувствовал, что его дни сочтены. О том, как Гейдж вернул Тори в жизненную орбиту Оливии, чтобы она познакомилась со своей биологической матерью и имела семью после его кончины.

Оливия смотрела в заиндевевшее окно, пытаясь глубоко дышать под грузом воспоминаний. Эмоции. Боль. Горечь любви и того, что люди творили друг с другом во имя любви. Мелоди так и не написала газетную статью на основании того интервью. Зато она сочинила книгу, основанную на истории Оливии и Тори. И в рукописи этой книги были слова, которые теперь пришли на ум Оливии.

«Можете ли вы точно определить момент, когда ваша жизнь начинает идти встречным курсом к чьей-то другой жизни? Можете ли вы вернуться к тому моменту, когда эти жизни наконец пересеклись, а оттуда начали расходиться по расширяющейся спирали, но с этого момента остались навеки переплетенными, замкнутыми друг на друге?»

Она переключила внимание на Тори, которая потягивала горячее какао и старательно избегала смотреть на мать.

– Как прошло сегодня с доктором Миллер? – мягко спросила Оливия.

– Больше я к ней не приду.

Оливия потянулась за своим капучино и медленно отпила глоток, считая до двадцати.

– Почему?

– Мне не нужен мозгоправ.

– Потому что так говорит Рикки?

Тори покраснела и сердито зыркнула в сторону Оливии.

– Доктор Миллер спрашивает меня, что я думаю о своей бессоннице и о своих кошмарах, почему я ругаюсь с ребятами из новой школы, почему я побила ту девчонку в старой школе, что я *чувствовала*, когда потеряла Гейджа и Мелоди... – Ее голос пресекся, в темных глазах заблестели слезы. Она жестко провела ладонями по лицу, и щеки вспыхнули еще сильнее. – Если предполагается, что я должна найти собственные ответы, то зачем мне вообще ходить к доктору Миллер? Это глупо! – Тори резко отодвинула недоеденный пончик. – И откуда она вообще взяла, что у меня бывают кошмары?

«*Полегче, Лив*, – мысленно услышала Оливия голос Коула. – *Делай маленькие шаги*».

– Тори. – Она вздохнула, подалась вперед и понизила голос под мерное жужжание звуков и голосов в кафетерии: – Это я позвонила доктору Миллер и сказала ей.

У Тори отвисла челюсть. Ее глаза сверкнули мрачной враждебностью от такого предательства.

– Я очень беспокоилась и хотела поговорить об этом. Нам обоим это нужно.

Тори плотно сжала губы и прищурилась. Оливия почти слышала, как ее эмоциональный подъемный мост с лязгом поднялся и захлопнулся.

– Я слышала, как ты плачешь во сне. Я слышу это каждую ночь после того вечера, когда ты поздно вернулась домой вместе с Рикки. А потом я нашла в твоей комнате бутылку браги, которую готовил Ной.

– Ты рылась в моих вещах?

– Я пошла в твою комнату, чтобы забрать Эйса. Он спал возле твоей кровати, когда ты ушла в школу. Верхний ящик твоего стола был открыт, и я увидела там бутылку. Тут уж ничего нельзя было поделаться, Тори.

Тори начала вставать, но Оливия накрыла ее руку своей и удержала на месте.

– Мне *нужно*, чтобы ты поговорила со мной, Тори. Я хочу иметь настоящие отношения, где можно все обсуждать честно и открыто, а не осуждать друг друга.

– Взрослые всегда так делают.

– Думаю, это опять слова Рикки, не так ли? – Оливия удержала ее взгляд. – Я могу и *хочу* помочь тебе, но ты должна доверять мне. Ты должна верить, что я люблю тебя, Тори.

– Почему? Почему тебе вообще есть дело до этого?

– Ты знаешь, почему. Ты – мой ребенок. Ты – моя дочь.

Тори замерла. Ее глаза наполнились слезами.

– В твоих жилах течет моя кровь. Мы связаны этими узами, и мы нужны друг другу. Ты *нужна* мне.

Тори отвернулась, сосредоточенно разглядывая что-то на холодной улице.

– Ты была в доме Ноя в тот день, когда случился пожар?

– Нет.

– Когда ты забрала брагу из его сарая?

– Я ее не брала.

– Тогда как ты ее получила?

Молчание.

– Посмотри на меня, Тори. Ты знаешь, что это серьезное дело. У кого ты добыла эту бутылку? У Рикки?

– Какой-то парень в школе дал ее ему.

– То есть продал?

– Не знаю.

– Ты уверена, что не была там, возле дома Ноя, когда случился пожар?

Тори уставилась на Оливию и помотала головой:

– Нет. Меня там не было. Я вообще никогда не ездила туда.

За ее спиной открылась дверь, и в кафетерий вошла женщина, принесшая с собой дуновение ледяного воздуха. Оливия подняла голову. Нет, она не знала эту женщину. Незнакомка была привлекательной, но неуклюже облаченной в слишком просторную для нее старую куртку и охотничью шапку, явно повидавшую немало капканов на своем веку. Однако ее брюки и сапоги выглядели нарядно и принадлежали горожанке. Когда дверь захлопнулась, их взгляды на мгновение встретились. Глаза незнакомки были цвета липового меда. Она направилась к стойке.

Оливия продолжала смотреть на нее с возрастающим любопытством. Другие посетители тоже заметили незнакомку и поворачивали головы в ее сторону. У Оливии появилось беспокойное ощущение, что эта женщина принесла с собой морозный ветер перемен.

Глава 10

– Бекка Норд? – Женщина за стойкой вытерла руки о передник. – Это и впрямь *ты*, под всеми одежками?

Ребекке понадобилось не более секунды на понимание того, что перед ней Марси Фоссам, – воплощение городской сплетницы. Но она каким-то образом потеряла свои роскошные груди, и над ее лицом была проведена серьезная пластическая работа. Тусклые волосы мышиного оттенка стали рыжевато-каштановыми и прекрасно оттеняли голубые глаза.

– Марси, – Ребекка выдавила улыбку, – ты сказочно выглядишь. Я и представить не могла, что твоя дочь уже учится в колледже. Бак рассказал мне. Он сказал, что ты теперь здесь хозяйка.

Марси улыбнулась, показав идеально ровные, отбеленные зубы, вышла из-за стойки и дружески обняла Ребекку.

– Святые небеса, как приятно видеть тебя. Я очень сожалею о твоей утрате, Ребекка, это правда. Ты в порядке? А это одежда Ноя?

– Не самый лучший прикид, а? Мне понадобилось пять дней, чтобы пробиться сюда через снежный Армагеддон, а теперь пришел арктический фронт, который закончится неведомо когда. Мне нужно было где-то согреться.

Трое мужчин в ближайшей кабинке откровенно разглядывали Ребекку. Все они слышали разговор и отнеслись к нему с живейшим интересом.

– Ты... ты собираешься организовать поминальную службу? – спросила Марси. – Потому что Солли Мичем в «Лосе и Роге» начал сбор пожертвований. Мы... мы не были уверены, что ты вернешься. То есть мы видели тебя в новостях и знали, что ты принимаешь участие в большом уголовном деле на востоке. Ной тоже об этом рассказывал. Он говорил, что твоя карьера продвигается очень хорошо. Он так гордился тобой, Бекка.

Чувство вины, горя, раскаяния и унижения охватило Ребекку со всех сторон. Горожане должны были рассматривать ее приезд как запоздалое возвращение блудной дочери. Это утвердило ее желание остаться и разобраться в случившемся. Лишь тогда она сможет надлежащим образом проститься с отцом и пожелать ему всего доброго.

– Да, я что-нибудь организую, – тихо сказала она. – Но сначала я должна кое-что выяснить.

Плюс к тому она не хотела, чтобы тело ее отца покинуло морг. Так, просто на всякий случай.

Марси нахмурилась. Она отвела Ребекку в сторону, чтобы ее сотрудница за стойкой могла обслуживать других клиентов. Марси понизила голос почти до шепота.

– Была какая-то проблема со вскрытием тела? – заговорщицки поинтересовалась она. В *этом* Марси совсем не изменилась.

– У меня просто возникли некоторые вопросы.

Марси нахмурилась еще сильнее и наклонила голову:

– Думаешь, Ной этого не делал?

– Мне хочется верить, что нет.

Марси уставилась на нее. Ребекка видела быстрый ход ее мыслей.

– Что ты собираешься предпринять?

– Для начала я хочу заказать кофе и две яблочные пампушки. А потом я собираюсь посетить дом, вернее, то, что от него осталось.

Голубые глаза Марси широко распахнулись. Она повернулась и передала заказ о кофе и пирожках с яблоками. Пока пирожки разогревались в микроволновой печи, а девушка наливала кофе, Марси кивнула в сторону кабинки у окна.

– Видишь ту женщину и девочку?

Ребекка посмотрела туда. Миловидная женщина сидела за столом напротив темноволосой девочки одиннадцати или двенадцати лет. Они как будто горячо, но тихо спорили о чем-то.

– Это Оливия Уэст и Тори Бартон, – прошептала Марси. – Оливия унаследовала ранчо Броукен-Бар, которое должно было отойти Коулу и его сестре Джейн. Но нет, старый пердун Майрон Макдона все оставил этой женщине и ее собаке. Знаешь, это Коул позвонил первым, когда загорелся дом твоего отца.

Игла воспоминания пронзила Ребекку, пока она смотрела на женщину и девочку.

– Оливия, которая была Сарой Бейкер? Женщина, похищенная серийным убийцей Юджином Джорджем?

– Да, она самая. Ее держали закованной в кандалы в уединенной хижине, как животное, и насиловали долгие месяцы. Тори – ее дочь, плод изнасилования.

Все это было в новостях. Оливия Уэст и Тори Бартон были жертвами, – вернее, теми, кому удалось выжить. А Ребекка испытала внезапное и резкое отвращение к Марси. Такую же антипатию она испытала двадцать лет назад, когда Марси рассказала ей, что видела Уитни и Эша вместе в Девилс-Батт, где она тогда работала.

Марси вручила Ребекке горячий кофе и пакет с яблочными пирожками.

– Копы любят сладкое? – Она ухмыльнулась. – Можно все отрицать, но так оно и есть.

Ребекка не улыбнулась в ответ.

– Спасибо, но мне пора в дорогу. Я должна попасть туда до темноты.

Марси пожала плечами:

– Ну конечно. Только не забывай о нас, хорошо?

Когда Ребекка повернулась к выходу, Марси окликнула ее.

– Ной был здесь в тот день, – сказала она. – Вместе с Эшем.

Ребекка замерла на месте. Она сделала глубокий вдох и повернулась к Марси.

– В какое время?

– Думаю, вскоре после полудня. Эш заказал сэндвичи с курицей, но потом у них с Ноем вышла ссора прямо здесь, перед стойкой. Эш отменил заказ и вывел Ноя к своему автомобилю, стоявшему перед окном. – Она показала, где именно.

– Из-за чего они поссорились?

Теперь Марси выглядела довольной. Она забросила приманку и подцепила Ребекку на крючок. Нет, Марси ни капельки не изменилась.

– Понятия не имею. Но они все еще пререкались, когда Эш заставил твоего отца сесть в автомобиль.

– Заставил?

– Ну... – Марси откинула со лба прядь каштановых волос. – Не могу точно сказать, но он вел себя весьма агрессивно.

Глава 11

– Она вернулась в город. – Голос донесся через гарнитурную систему автомобиля.

– Знаю, – ответил водитель, твердо державший руки в перчатках на рулевом колесе. – Все нормально.

– Она задает вопросы. Массу вопросов. Не верит, что он сам это сделал. Теперь она поехала туда и будет искать.

Последовала пауза, когда водитель резко свернул с автострады на обочину и остановился рядом с сугробом. Это был признак психической усталости или необходимости уделять внимание разговору.

– Там нечего искать. Особенно после пожара.

– А если есть? Она знает, *как* нужно искать. Эта хитрожопая ищейка уже убрала со сцены нескольких крупных преступников. Упрямая, как ее отец, но более опасная, потому что не алкоголичка.

Водитель помолчал, обдумывая новый поворот в игре.

– Возможно, старик что-то ей рассказал, – настаивал звонивший. – Возможно, она *знает*.

– Нет, ни в коем случае, – тихо сказал водитель. – В таком случае она бы вернулась раньше. – Последовала короткая пауза. – Я отправлюсь туда и все проверю.

– Сделай это. Потому что, если она начнет болтать и сообщит о своих подозрениях в правоохранительные органы, дело заживет собственной жизнью. Ее нужно удержать, прежде чем это случится.

– Хорошо, я все понял. – Водитель дал отбой и тихо выругался, сменяемый гневом и беспокойством из-за неожиданного вмешательства в картину того, что выглядело как идеальное убийство.

Дело явно не закончилось. Никким образом.

Минуту-другую водитель сидел в молчании и размышлял, а потом позвонил в другое место.

Глава 12

Ребекка ехала по автостраде на север до поворота к озеру Броукен-Бар на вершине плато. Оттуда она направится по грунтовым дорогам через заброшенный район для зимнего отдыха и лыжного кросса, а потом углубится в леса и земли уединенных ранчо.

Ребекка жевала яблочные пирожки, и сахарная пудра падала ей на колени. В салоне играла музыка. Радиостанция передавала ротацию лучших музыкальных хитов былого времени, и это лишь помогало Ребекке уходить еще дальше в собственное прошлое.

По обе стороны от извилистой ленты шоссе расстилались поблекшие и заснеженные фермерские угодья с редкими амбарами или приземистыми домами с дымом, выходящим над каминными трубами. Иногда попадались загоны, где кормился рогатый скот; над стадом поднимался пар от дыхания, а снег был втоптан в темно-коричневую земляную кашу.

Здесь лишь немногое говорило о зажиточности и богатстве. И очень немногое изменилось за последние двадцать лет.

Дорога пошла в гору. Городок, маячивший в зеркале заднего вида, почти совсем пропал. За Ребеккой, поддерживая неизменную скорость, следовал автомобиль темного цвета, но он находился достаточно далеко, и она не могла определить модель. На какой-то момент Ребекке показалось, что за ней установили слежку. Она выбросила эту мысль из головы и вытерла рот салфеткой, прежде чем взять телефон.

Ребекка знала, что потеряет сигнал мобильной связи, когда поднимется на вершину и свернет с автострады. Нужно позвонить доктору Берту Спайкеру, пока это еще возможно.

– Сержант Норд, – раздался в трубке гнусавый голос Спайкера. – Чем я могу вам помочь?

– Вы упоминали о состоянии легких моего отца. Не считая кровавых сгустков, можете ли вы сказать, что мой отец недавно снова начал курить?

– Минутку. Я должен проверить свои записи.

Ребекка ждала, пока не закончилась песня в стиле кантри и ведущий не принял запрос от очередного дозвонившегося слушателя. Спайкер вернулся к телефону.

– Давайте посмотрим... Там были кое-какие старые рубцы, но нет, ваш отец не курил уже много лет. – Спайкер немного помолчал. – А почему вы спрашиваете?

– Проверяю кое-какую новую информацию. Спасибо, доктор Спайкер.

– Зовите меня Бертом, иначе мне придется называть вас «сержантом».

Ребекка улыбнулась, снова поблагодарила патологоанатома и закончила разговор. Она подумала о быстром звонке Лэнсу перед выходом из зоны мобильной связи. Ее непостоянный любовник-юрист не связывался с ней после того, как она сообщила ему о смерти своего отца и намерении вернуться домой. Если можно называть это место своим домом; она слишком долго не приезжала сюда. Но Ребекка не была уверена, что она может называть домом и свою стерильную арендованную квартиру далеко на востоке. Там ее жизнью была карьера, и Ребекка всегда была готова к немедленному отъезду, в зависимости от того, куда ее пошлет начальство. Даже Лэнс не был постоянной величиной в ее жизни, хотя недавно он предложил завязать более серьезные отношения.

Ребекка снова потянулась к телефону, но тут по радио заиграла песня, заказанная слушателем. Один из хитов конца 1990-х годов, группа «Хазмат Съютс».

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.

Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй...

Она с неожиданной злостью выключила радиоприемник. Да, это была самая популярная песня в то ужасное лето, песня, заставившая ее искать Эша и танцевать с ним вечером на фестивале родео.

На вершине холма появился указатель «Броукен-Бар». Ребекка включила поворотный сигнал и свернула с асфальтовой дороги. Старенький «сильверадо» затрясся на рифленном льду и заснеженных выбоинах. Когда Ребекка почувствовала, что шипованные покрышки начинают скользить на обледеневшей дороге, она включила полный привод и сбросила скорость.

Ребекка миновала поворот к заброшенному лагерю зимнего отдыха. Дорога сузилась у въезда в густой лес. Деревья плотно подступали к обочине.

Шум неровно работающего дизельного двигателя громко отдавался в салоне, когда Ребекка ехала по бесконечному заснеженному лесу, приглушавшему все внешние звуки. Внезапно далеко позади показался свет автомобильных фар.

Был ли это тот самый автомобиль, который держался за ней на автостраде? Последовал ли он за ней на повороте?

Огни скрылись из виду за изгибом дороги. Но Ребекка преисполнилась беспокойства и часто поглядывала в зеркало заднего вида. Это отвлекало ее. Когда она в очередной раз перевела взгляд на белую дорогу впереди, внезапно перед самым капотом автомобиля оказался олень.

Она ударила по тормозам. Машину занесло вбок, и остатки кофе выплеснулись из пластикового стакана. С резким толчком автомобиль остановился, развернувшись по диагонали.

Проклятье.

Ребекка посмотрела на дорогу, где только что был олень, и с тошнотворным ощущением поняла, что это примерно то же самое место, где более двадцати лет назад она увидела в грозу Эша, бредущего по дороге в полубессознательном состоянии. Сдавило грудь; кровь прилила к лицу. Воспоминания устремились по давно заброшенным нейронным цепочкам мозга и вернулись к жизни.

* * *

Она бежит через дождь и хватается за плечи, вода ручьями струится с них. «Эш! – кричит она, перекрывая раскат грома. – Поговори со мной! Ты в порядке?»

Молчание. Он весь дрожит. Она берет его за руку и ведет к своему пикапу. Поворачивается спиной к очередному заряду дождя и открывает дверь со стороны пассажира.

«Садись туда».

Эш повинуется. Он похож на зомби и не выражает никаких чувств.

Ребекка захлопывает дверь с пассажирской стороны и поспешно возвращается на место водителя. Усевшись в кресло, она протирает мокрое лицо и включает обогреватель. Потом роется в сумке на заднем сиденье, где должна быть чистая рубашка, ее он сможет прижать к кровоточащей ране на лице. Она скатывает рубашку в комок. «Вот, прижми это к ране и держи крепко». Она помогает ему и направляет его руку.

Наконец он смотрит ей в глаза, и она видит проблеск личности старого, знакомого Эша. «Что случилось?» – спрашивает она.

«Лошадь, – шепчет он. – Молодой мерин. Взбрыкнул и сбросил меня. Нога застряла в стремени. Протащил меня по гравию».

«О боже. Я доставлю тебя в пункт «Скорой помощи». – Она подается вперед и переключает передачу.

«Нет!»

Она озадаченно смотрит на него.

«Только не в медицинский центр. Я... я не могу. Не туда».

«Но почему?»

«Просто помоги мне, ладно? – Он хватается ее за руку; его пальцы давят, как тиски. – Сделай это. Приведи меня в порядок. Ты же умеешь оказывать первую помощь. Просто заштопай меня, и все. Я знаю, ты можешь».

«Это первая помощь для животных, Эш. Я работаю ассистенткой не у врача, а у ветеринара, который занимается крупными животными. Тебе нужно наложить хорошие швы».

«Мясо есть мясо, Бекка. Рана выглядит хуже, чем на самом деле. Просто зашей края или наложи швы иглой-бабочкой...» – Он всжимается в сиденье, и его голос стихает.

Ребекка борется с паникой при виде его окровавленного лица. Ободранные и разбитые костяшки пальцев. Заплывший глаз. Почти бессознательное состояние. Должно быть, у него сотрясение мозга. Она упрямо отказывается признать, что по-прежнему любит его, хотя и ненавидит за все, что он с ней сделал. Она борется с собой. Какая-то ее часть хочет сказать: «Вот когда я тебе понадобилась? Отвали от меня!» Но другая часть не может этого сделать.

* * *

Стайка черных дроздов взмыла в небо, вытряхнув Ребекку из пелены воспоминаний. Она тихо выругалась, потому что остаточный эффект адреналинового шока заставлял ее дрожать. Стирая пролитый кофе с сиденья и со своих брюк, она снова выругалась. Тот небольшой контроль над эмоциями, которым она запаслась перед выездом на место пожара, исчез без следа.

Это место, холод и воспоминания – все уводило ее в темный лес прошлого и ледяной хваткой сжимало горло. На какой-то момент она испугалась, что окружающая глухомань обладает собственным разумом и послала оленя, чтобы остановить ее и напомнить о былом. Если это место вонзится в нее свои когти, то уже не отпустит. Ребекка посмотрела на дорогу за собой. Автомобиль как будто пропал.

Работая коробкой передач, она развернула «сильверадо» и заняла нужное положение на дороге. Она углублялась в лес и в пейзажи своей юности; руки в перчатках крепко сжимали рулевое колесо. Черные дрозды в небе роились и разлетались в стороны, образуя зловещие узоры.

Через двадцать минут она выехала из леса и приблизилась к дорожной развилке. Ребекка выбрала северную дорогу, преодолела подъем и внезапно оказалась на месте.

Ребекка остановила автомобиль.

Посреди девственно-белого ландшафта, где когда-то стоял ее семейный дом, как будто взорвалась черная бомба. Ребекка оцепенело смотрела туда, пытаясь осознать масштаб опустошения, пока дизельный двигатель глухо урчал, а выхлопные газы облачками кристаллизовались вокруг машины.

Среди почерневшего и обугленного мусора на месте дома остались только каменный очаг и камин. Каминная труба поднималась над пепелищем прямо в небо, словно каменный палец, указующий вверх.

Высоко над камином парила хищная птица, широко раскинувшая мощные крылья. Но на земле ничего не шевелилось, кроме желтой полицейской ленты, трепетавшей на ветру.

А дальше, за уничтоженным домом, перед рощей осин с опавшей листвой, стоял низкий сарай, где Ной Норд готовил и хранил брагу. Горькая ирония ситуации не ускользнула от Ребекки. Слабость ее отца, его тайная страсть пережила его.

Теперь сарай принадлежал ей.

Глава 13

К тому времени, когда Ребекка пристроила автомобиль за рядом деревьев, некогда отгораживавших их дом от проселочной дороги, солнце опустилось за горизонт, и багряные тени медленно и коварно наползали на землю. Ветер с воем срывался с вершины холма и слегка раскачивал «сильверадо», когда Ребекка закрыла нос и рот широким шарфом, оставив лишь щель для глаз. Теплые клапаны охотничьей шапки-ушанки защищали уши. Она натянула поверх брюк утепленные зимние штаны отца.

Снарядившись для морозной погоды, она вышла из автомобиля и отперла оружейный шкафчик, лежавший в багажнике. Она нашла патроны, зарядила ружье быстро немеющими пальцами и закинула его за спину. Она не могла объяснить причину, но после недавнего инцидента с оленем и зловещего подозрения о том, что ее преследуют, она чувствовала себя обнаженной без штатного оружия.

Снова натянув большие перчатки, Ребекка отошла от автомобиля и попробовала сориентироваться между скользким льдом и рытвинами, оставленными пожарной машиной. Она почти сразу же поскользнулась и чувствительно приложилась о лед. Выругавшись, Ребекка медленно встала и с большой осторожностью двинулась туда, где когда-то находилась дверь кухни.

Картина опустошения на фотографиях Бака развернулась в реальном времени. Он был прав. На слое льда намерз иней в несколько дюймов толщиной, образующий искристые узоры. Он скрывал все, что могло таиться подо льдом. Оторвавшийся кусок желтой полицейской ленты шелкал на ветру.

Ребекка застыла и прислушалась. Окрестная глушь наполнилась свистящими и шипящими звуками ветра, пролетавшего над снегом и льдом и через голые, замерзшие ветви осин, тополей и ольхи. Шелестела бумажно-тонкая кора. Все звуки на морозе казались немного иными, более резкими. Ребекка посмотрела на гребень холма за пепелищем. Там росла еще одна осиновая роща. Внезапное ощущение, что за ней наблюдают оттуда, вызвало покалывание в затылке. Ребекка снова подумала об автомобиле, ехавшем за ней по грунтовой дороге. Страх понемногу просачивался в сознание.

Она отмахнулась от этого ощущения. Оно означало лишь смерть и разрушение, погребенные во льду.

Но Ребекка не могла примириться с мыслью о самоубийстве отца, поэтому ей *приходилось* рассматривать гораздо более зловещие варианты.

Убийство.

Поджог.

Если здесь произошло убийство, его можно было связать с каким-то обстоятельством старого преступления, о котором стало известно ее отцу. Кто-то был готов убивать ради сокрытия улик.

Это означало, что хищник мог по-прежнему находиться поблизости. Тот, кто мог снова пойти на убийство.

Или нет.

Возможно, все было именно так, как выглядело на первый взгляд, и она заразилась отцовской паранойей, словно микробами, оставшимися на его одежде и в его автомобиле.

Ребекка повернулась спиной к пепелищу и посмотрела на сарай. Пока она стояла, тени удлинились, а небо потемнело. У нее оставалось мало времени. Но изменение угла падения света привело к тому, что в ледяной впадине возле двери сарая что-то заблестело.

Она пошла туда, хрустя свежавыпавшим снегом под сапогами. Это был новый висячий замок золотисто-бронзового цвета. Открытый.

Ребекка опустила на корточки и осмотрела его. На металле виднелись свежие царапины от какого-то острого инструмента. Она посмотрела на дверь и увидела металлическую пластинку с проушиной, где должен был висеть замок. Сняв перчатку, Ребекка достала из кармана мобильный телефон и сфотографировала замок там, где он лежал.

Еще какое-то время она сидела на корточках и размышляла. Ветер становился все холоднее, солнечный свет почти исчез. Кто-то взломал сарай, где ее отец хранил брагу? Когда? До или после пожара? Бак сказал, что полицейские забрали алкоголь и медный самогонный аппарат, но, возможно, какой-то искатель удачи, прознавший о смерти ее отца, решил поживиться спиртным.

Она подняла замок и внимательнее изучила его. В скважине определенно кто-то ковырялся. Она положила замок в карман отцовской куртки.

Дверь со скрипом отворилась, и Ребекка вошла в сарай. Внутри стоял полумрак. Она включила фонарик на своем смартфоне, но использование аппарата подобным образом имело свою цену: при низкой температуре батарейка могла разрядиться в любой момент. Ребекке уже не раз приходилось оказываться в такой ситуации.

Она посветила на полки. Все бутылки исчезли; остались лишь отпечатки в густой пыли на полках и стенах. Такие же отпечатки на деревянном столе показывали, где недавно стояло самогонное оборудование отца. А у задней стены, под крошечным окном стоял старый верстак, которым ее мать когда-то пользовалась как столиком для шитья. Фонарик высветил тонкий слой пыли и на этой поверхности.

Ребекка провела по верстаку рукой в перчатке. Пыль поднялась холодным облаком, навевая воспоминания. О матери. О том, что они всегда были одной семьей. Ребекка всегда верила, что она будет жить здесь, на ранчо. Как Мэри Эш. У нее перехватило дыхание от накативших чувств. Но когда Ребекка была уже готова отвернуться, она заметила свежие соскобы в пыли вдоль задней части верстака.

Ее пульс участился, и она посветила ближе. Отпечатки пальцев. Не руки в перчатках, а пальцы, которые хватались за край и проводили по нему. Как будто человек прятался за скамьей и наблюдал за дверью. Маленькие руки. Маленький человек. Вроде ребенка или миниатюрной женщины. Сердце забило еще быстрее.

Ребекка поспешно сделала фотографии на тот случай, если кончится заряд в батарейке.

Потом она осторожно провела лучом света за скамьей. В расщепленном дереве ножки стола застряли два длинных волоска, темно-каштановых, с легкой волной. Они были примерно двенадцати дюймов длиной и заколыхались в воздушном потоке, вызванном движением Ребекки. А на полу застыла лужица желтой краски, посреди которой находился полный отпечаток ладони и частичный отпечаток ботинка. Полицейские инстинкты ожили, и Ребекка быстро сделала еще несколько фотографий. Ее взгляд переместился на дверь сарая.

Могла бы миниатюрная женщина, исходя из предположения, что длинные волосы не принадлежали мужчине, прятаться здесь в укрытии? Тогда она заметила еще два частичных отпечатка испачканного в желтой краске ботинка на полу сарая, по направлению к двери.

Следя за тем, чтобы не наступить на них, Ребекка переместилась к стене, где были аккуратно развешаны инструменты отца. Там она нашла бумажные конверты, которыми отец пользовался для хранения разных мелочей и рыболовных крючков. Она вернулась к скамье, достала волосы, положила в конверт и спрятала в карман. Потом опустила на колени и, пользуясь треугольником для масштаба, сфотографировала четкие отпечатки в засохшей краске. Папиллярные бороздки хорошо прорисовывались, как и частичный отпечаток носка ботинка.

Ребекка наклонилась вбок, чтобы лучше подсветить последний снимок. Луч фонарика упал на что-то белое и блестящее в дальнем конце скамьи. Это был карманный ножик с костяной ручкой, который угнездился в широкой трещине между половицами. Ребекка засняла его на месте, потом вытащила наружу и убрала в очередной бумажный конверт.

Фонарик погас, и тени сразу же ринулись на нее из углов сарая.

Проклятье.

Ребекка попробовала перезагрузить телефон. Бесполезно. Теперь в сарае наступила почти полная темнота. Придется вернуться завтра с лучшим снаряжением и убедиться, что она ничего не пропустила. Двигаясь вдоль стены, чтобы не наступать на желтые следы, ведущие к двери, Ребекка вышла из сарая.

В снегу догорали последние пурпурные отблески. Ветер усилился, и температура быстро падала.

Несмотря на сумерки, Ребекка могла различить два ряда глубоких следов, направлявшихся вверх по склону, к гребню холма. Те, кто оставил эти следы, должны были идти по мягкому снегу перед пожаром или во время него, потому что ночью все замерзло, что подтверждалось и сводкой погоды на тот день.

Теперь могло стемнеть в любую минуту. Она должна вернуться в город и утром выехать на место преступления. Но любопытство побуждало Ребекку изучить перед отъездом эти следы. Она не нарушит их, поскольку все основательно промерзло и останется в таком положении, пока не придет новый погодный фронт, который вытеснит холодный воздух из этих мест.

Но когда Ребекка подошла к остаткам дома сзади и взглянула на гребень холма, ее снова охватило странное беспокойство. Она замерла и осмотрела тени между призрачно-белыми деревьями, пытаясь различить движение в глубоких сумерках.

Послышался щелчок, потом хруст снега. Каждый нерв в ее теле напрягся до предела. Не сводя взгляда с деревьев, она медленно потянула ружье из-за плеча.

Глава 14

Он прижал к щеке холодный приклад «моссберга», держа палец в перчатке на спусковом крючке и целясь в вооруженного нарушителя у подножия холмистой гряды. Его дыхание было ровным и замерзало облачками вокруг лица.

Время растянулось. Клочки рваной коры шелестели на ветру. Его пес, карельская лайка Кибу, лежал на брюхе в слежавшемся снегу возле его ботинок, устремив взгляд на «добычу» внизу. Одно движение или резкий свист, и Кибу бросится в атаку. Он был бесстрашен, но еще молод. С ним предстояло еще много работы. А иногда пес убегал от него.

– Ш-шш, – прошептал он. – Место!

В тусклом свете он не мог как следует определить, что это за человек. Средний рост – примерно пять футов и десять дюймов, по его подсчету. Кожаная куртка – выцветшая и поношенная черная кожа. Она выглядела великоватой и скрывала очертания тела. Его походка на обледенелом снегу была осторожной и неуверенной. Лицо скрыто под шарфом или лыжной маской, охотничья шапка надвинута на уши. Вооружен и встревожен. Нехорошо, с какой стороны ни посмотри.

На холоде звук хорошо распространяется в воздухе. Он услышал приближение неисправного дизельного двигателя. Это обеспокоило его, и он выглянул из-за гребня, обнаружив, что нарушитель покинул сарай Ноя Норда. Со своего наблюдательного пункта он не мог разглядеть автомобиль, раньше привлечший его внимание. Но теперь его взгляд был прикован к нарушителю, который снял ружье с плеча и целился в его укрытие среди деревьев.

Кибу ощутил напряжение и заскулил, подползая по снегу, готовый броситься в атаку.

– Ш-шш, – прошептал он.

Налетел мощный порыв ветра. Ветка наверху треснула под весом выросшего льда.

Кибу превратился в вихрь шерсти, зубов, костей и пены. Пес стремглав убежал по обледеневшему склону, стремясь вцепиться в горло чужаку.

Человек заметил движение и крутанулся на месте. Прицелился в собаку.

Вот черт!

– Кибу! Стой! – завопил он, выскочив из-за деревьев. – Стой!

Грохот выстрела. Потом крик.

Звуки рикошетом отражались от мерзлой земли, снова и снова долетая эхом до отдаленных гор Марбл-Маунтинс.

Последняя вечеря

Карибу-Кантри, 8 января, вторник. Около недели назад

Эш приносит охапку дров, пока Ной зажигает керосиновые лампы в своей бревенчатой хижине. Прогноз предвещает наступление арктического фронта. Все снаружи замерзнет за считанные минуты, когда ударит мороз. Эш складывает дрова у камина и зажигает огонь. Пока он занимается растопкой, Ной шаркает и спотыкается на кухне.

Когда дрова начинают потрескивать, Эш отряхивает руки и штаны и идет на кухню. Его пес тем временем укладывается у камина на тряпичный коврик, который когда-то был разноцветным. Эш нежно относится к этому коврику. Пэйдж Норд, жена Ноя, привезла его из Мексики за год до своей смерти. Эш испытывал самые лучшие чувства к этой женщине. Она была доброй, сердечной и щедрой.

Между тем Ной наливает два стакана браги. Он включил газовую духовку. На плите стоит судок с едой в ожидании, пока духовка разогреется до нужной температуры. На столе находятся две белые тарелки и пачка сигарет «Денали плэйн».

Деревянная крышка стола многое повидала на своем веку. Когда Эш смотрит на старые узлы, вмятины и царапины, то мысленно возвращается в прошлое – в то время, когда ему было двенадцать лет.

Его отец, Олаф, взял Эша с собой, потому что хотел обсудить с Ноем какое-то дело в амбаре. Что-то насчет удобрений или корма для скота. Так или иначе, взрослые мужчины находились за пределами слышимости, пока Эш смотрел, как миссис Норд раскатывает тесто на этом самом столе. Бекка помогла ей; ее руки были обсыпаны мукой, розовые щеки разругались. Пятнышко муки осталось у нее на подбородке. Ей было одиннадцать лет, и она была самым красивым существом, которое он когда-либо видел. Вот такая это была сцена: Бекка и ее мама работают на теплой кухне, где пахнет дрожжевым тестом. Эш почти физически ощущал дух любви, царивший в этом доме, и это переполняло его юное сердце.

Какое-то время он просто стоял и смотрел на Бекку. Ее темные волосы были зачесаны на затылок; выбившиеся пряди вились вокруг лица. Россыпь веснушек на носу, щель между передними зубами. Ее глаза имели оттенок темного меда. Она взглянула на Эша и улыбнулась. Улыбнулась **ему**.

Сейчас Эш ощущает эту улыбку, поразившую его прямо под дых, как снаряд, выпущенный над столом с мукой и тестом для выпечки. В ту самую минуту, когда его отец беседовал в амбаре с Ноем Нордом, Эш понял, что, хотя сейчас Бекке всего лишь одиннадцать, когда-нибудь он женится на Ребекке Джейн Норд, дочери полицейского и владельца небольшой фермы. По его представлению, все складывалось идеально. Однажды, когда его отца не станет, он унаследует отцовское ранчо. Бекка будет жить с ним и сделает его кухню уютной и теплой, – такой же, как эта. Его сердце уже изнывало в предчувствии этого момента.

«Хочешь задержаться еще немного, Эш? – спросила миссис Норд. – Первая порция выпечки будет готова через две минуты».

Эш подумал, что если Бекка вырастет хотя бы наполовину такой доброй и щедрой, как миссис Норд, он все равно будет рад жениться на ней. В глазах миссис Норд и в ее улыбке таилось волшебство, способное озарить целую комнату.

«Твое здоровье», – говорит Ной. Воспоминание рассыпается, как осколки разбитого зеркала, и Эш возвращается в зимнюю реальность.

Он встряхивается и берет стакан, протянутый Нордом. Опрокидывая жидкость в рот, Эш думает о том, что запах свежесвепеченного хлеба по-прежнему может отправить его в тот день, когда ему было двенадцать лет.

«Пойдем в гостиную», – предлагает Ной, наливая новую порцию выпивки.

«Спасибо, но я не останусь на ужин», – говорит Эш и подбородком указывает на тарелки.

«А я и не предлагаю. Давай сядем у огня. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить», – речь Ноя звучит расплывчато. У него заплетался язык, когда Эш обнаружил его в круглосуточном магазине при автозаправке «Петрогаз».

«Я не могу остаться, мне...»

Взгляд Ноя приговораждает его к месту. Внезапно старик становится почти трезвым и даже напористым. У Эша зарождается смутное беспокойство.

«Это важно», – говорит Ной.

Внутри веет теплом от разгоревшегося камина, и Эш вешает свою теплую куртку на крючок за кухонной дверью, рядом с оливково-зеленым оружейным сейфом Ноя. Он замечает, что ключ от сейфа торчит в замке.

Эш следует за Ноем в гостиную.

Ной положил архивную папку на кофейный столик рядом с очагом. Сейчас старик тяжело опускается в кресло-качалку; при этом часть жидкости из стакана выплескивается ему на руку. Керосиновые лампы наполняют комнату неровным оранжевым светом. Ной слышит пролитую брагу с тыльной части большого пальца, – похоже, на этой стадии опьянения он утратил многие признаки цивилизованности. Но даже после огромного количества спиртного, употребленного за сегодняшний день, старый коп остается в ясном уме и твердой памяти.

Эш уstraивается на карнизе каменного очага, лицом к Ное.

«Ты солгал, Хоген».

«Прошу прощения?»

Ной сохраняет удивительную неподвижность, когда его взгляд снова приговораждает Эша к месту. Ной как будто что-то прикидывает про себя. Беспокойство еще сильнее проникает в мысли Эша. Это нехорошее предчувствие. Он наклоняется и чешет шею своему псу в ожидании, пока Ной не объяснит свои слова.

Ной указывает стаканом в сторону папки на кофейном столике.

«Открой и посмотри».

Эш хмурится.

«Давай же».

Он открывает папку. На стопке бумаг внутри лежит фотокопия декабрьского выпуска «Clinton Sentinel» двадцатилетней давности. Заголовок гласит: **«Мать пропавшей дочери опасается худшего»**.

Под заголовком находится фотография Уитни Ганьон. Темные воспоминания словно чернила просачиваются в мозг Эша. Он сглатывает, медленно поднимает голову и встречается взглядом с Ноем.

«Что это значит?»

«Как ты на самом деле заработал тот шрам на лице?»

«Ты знаешь как. – Эш отодвигает фотокопию в сторону. Под ней находится его собственная фотография, сделанная вскоре после получения раны. Он держит под уздцы кобылу на аукционной распродаже скота. Также газетный снимок.

Следующей идет фотография, где они с Беккой стоят рядом со старым пикапом, которым он пользовался для работы более двадцати лет назад. Его настигает еще одно воспоминание, – о том, как он бросил чемодан Уитни на заднее сиденье этого пыльного и ржавого автомобиля, о гнев и ярости, владевшими им в тот день. Образы начинают темнеть, звон в голове становится сильнее.

«Ты расскажешь мне, в чем тут дело, Ной?» – спрашивает он.

«Ты солгал, Хоген, – повторяет старик. – Солгал о своей ране».

На какой-то момент Эш испытывает крайнее смятение. Что-то темное скрыто глубоко под сводом его черепа, как сейф в подвале старого дома, и если он откроет его, то не сможет жить. Эш давно узнал, что единственный способ выжить – это выбросить ключ от подвала и от сейфа.

«Мать твою, Хоген, ты солгал! И Бекка тоже солгала. Теперь я хочу знать почему».

«Не знаю, о чем ты говоришь, – тихо отвечает Эш. Но он чувствует, как подспудная ярость закипает при малейшем намеке на запретное воспоминание. – Зачем тебе все это?»

«Я сплеховал с этими детишками. – Ной указывает стаканом на раскрытую папку и едва не проливает брагу. – С Уитни и Тревором. Я подвел их, потому что местные жители, особенно ты, что-то скрывали от меня. Я относился к тебе как к родному сыну. Хотел, чтобы ты женился на моей дочери. Но ты солгал мне, Хоген. И тогда я закрыл дело. Но теперь... теперь я в долгу у этих детей. По справедливости, я до сих пор у них в долгу».

«Ной, – спокойным тоном произносит Эш, поднимаясь на ноги. – У меня сегодня еще полно дел. Я ухожу. Увидимся, когда ты протрезвеешь и будешь соображать получше, чем сейчас».

«Почему не поехал в больницу?»

Эш щелкает пальцами, чтобы позвать собаку, и выходит на кухню за своей курткой. Голос Ноя, преследующий его, становится громче:

«Эш, ты входил в мой дом, пока меня здесь не было? Ты брал бумаги из моих записок по этому делу?»

Эш сердито надевает куртку.

«Кое-кто видел тебя, Хоген! На автобусной остановке «Ренегйт-лейн». С Уитни и Тревором. Он видел твою поножовщину с Тревором».

Эш испытывает настоящее потрясение. Прямо в куртке он возвращается в гостиную.

– Кто видел? – очень тихо спрашивает он. – Кто видел меня в тот день?

– Убирайся отсюда, поганый Иуда. Давай, выметайся отсюда. Вернешься, когда будешь готов сказать правду, мальчик. Ты и Бекка, чтоб я сдох.

Глава 15

Сердце Ребекки дало сбой. На мгновение ей показалось, что в нее попала пуля.

Ребекка стояла в напряженной позе, направив ствол на зверя в снегу, и обливалась потом, несмотря на холод. Эхо выстрела отдавалось в ее ушах.

Стрелок всадил пулю в сугроб прямо перед ее левым сапогом, и ледяная шрапнель полетела ей в лицо, укрытое полумаской из шарфа. Пес лежал на брюхе в нескольких шагах от нее и глухо рычал, скаля клыки со стекающей слюной. Прямо как бешеный волк.

Свет надствольного фонарика уперся в ее грудь, когда стрелок начал осторожно спускаться по обледенелому склону, по-прежнему целясь в нее.

– Положи ружье, – приказал стрелок. – Немедленно.

Ребекка не могла пошевелиться. Звон в ушах по-прежнему дезориентировал ее и выводил из равновесия, и она была убеждена в том, что если посмеет сдвинуться хотя бы на дюйм, то собака тут же бросится вперед и вцепится ей в горло. Ребекка продолжала направлять ствол точно между глаз животного.

– Опusti ружье. Положи его на землю, – прорычал стрелок примерно так же, как его пес. – Если ты застрелишь мою собаку, я убью тебя.

– Убери от меня эту чертову собаку, – хрипло прошептала она из-под шарфа. – Тогда я смогу положить оружие.

Стрелок резко свистнул: два коротких свистка, один длинный. Собака медленно поднялась и попятилась на несколько дюймов, по-прежнему рыча и капая слюной.

– Дальше, Кибу! Еще дальше!

Пес снова отступил назад.

– Теперь медленно положи ружье и оставь его на снегу. Потом отойди в сторону.

Ребекка колебалась. Ее внимание все еще было приковано к рычащей собаке.

– Сделай это, иначе я выстрелю. Ты нарушила границу с оружием в руках. Это частная территория.

Ребекка сглотнула. Она медленно наклонилась и аккуратно положила отцовское ружье на спрессованный снег. Потом осторожно двинулась в сторону, стараясь не упасть. Она была уверена, что если упадет в снег, ее движение заставит пса сразу же наброситься и она не сможет защитить лицо и горло, растянувшись на обледенелом снегу.

С пересохшим ртом она отошла на несколько шагов от ружья.

Стрелок вышел вперед – темный силуэт в густой тени, светивший фонариком ей в лицо. У Ребекки заслезились глаза от яркого света, и она заморгала.

– Сними шапку и маску, – велел стрелок. – Держи руки на виду.

Она медленно подняла руки, сняла охотничью шапку и сдвинула шарф на подбородок. Ее распущенные волосы зашелестели от статического электричества.

Стрелок застыл. Тишина – глухая, зловещая тишина – ощутимо сгустилась вокруг него. Даже рычащая собака замолчала, почувствовав перемену в состоянии хозяина.

– Бекка? – хрипло прошептал он.

Тогда Ребекка поняла. Она физически почувствовала это, когда по позвоночнику пробежала дрожь, а к горлу подкатил комок.

Эш.

Она смотрела в дуло ружья Эша Хогена.

«Он лгал.

От чего ты защищала его в тот день?»

– Твою ж мать! – прошептал он, опустив оружие, но продолжая светить фонариком Ребекке в лицо, и подступил ближе, словно желая убедиться, что это в самом деле она. – Проклятье, Бекка, что за чертовщина здесь творится? Почему ты так нарядилась?

Сердце Ребекки молотом стучало в груди. Она начинала дрожать всем телом после резкого выброса адреналина. Но за дрожью поднималась сокрушительная волна гнева.

– Возьми собаку на поводок, – потребовала Ребекка. – А потом скажи мне, какого черта ты делаешь на *моей* земле.

Эш подозвал пса и отвел свет фонарика от ее лица. Он достал поводок из кармана куртки и одной рукой прикрепил карабин к ошейнику.

При косом освещении Ребекка смогла лучше разглядеть его. На нем были громадная стеганая куртка и теплые сапоги. Он был в перчатках, но без шапки. И казался выше и крупнее, чем она помнила.

И старше.

– Твое оружие на предохранителе? – спросила Ребекка.

– Да.

– Покажи мне лицо, чтобы я рассмотрела тебя, – сказала она.

Он повернул свет к лицу, и его черты обозначились резче. На какой-то момент она затаила дыхание. При таком освещении его лицо выглядело особенно суровым и грубоватым. Через щеку по-прежнему тянулся длинный шрам.

Ее ковбой, которого она когда-то любила. Молчаливый, обветренный Уоллендер канадского севера. Ее Хитклифф из лесной глуши, некогда ее романтический возлюбленный. Человек, который в ее воображении играл роль каждого героя во всех историях, какие отец читал ей долгими вечерами после смерти матери, – историях с книжных полок ее матери, услышанных у камина. Человек, который был подвержен приступам угрюмой задумчивости и часто был вынужден уходить в лес и оставаться в одиночестве.

Ребекка всегда думала, что знает Эша так хорошо, как никто другой. Что она понимает его. Но, возможно, она вообще не знала его.

Ребекка пыталась совладать с приливом жарких, противоречивых чувств, накипевших за все эти годы. Внезапно она снова почувствовала себя семнадцатилетней девушкой, движимой старыми силами и побуждениями.

– Немало воды утекло, Ребекка. Я не думал, что ты вернешься теперь, когда его не стало.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила она. – Зачем ты выслеживал меня из-за деревьев?

– Полагаю, то же самое, что и ты. Я шел по следам от сарая.

Ее удивление быстро сменилось сердитой подозрительностью.

– Ты говоришь, что пришел сюда в темноте, чтобы пройти по следам, оставленным на частной территории, где совсем недавно побывала полиция, – на участке человека, которого ты последний видел живым?

– Именно это я и сказал.

Глава 16

– Мы с Кибу охотились на рысь, когда наткнулись на след от снегохода, ведущий от задней стороны участка твоего отца, – сказал Эш.

Под порывами холодного ветра, в густых сумерках зимнего вечера Ребекка слушала объяснения Эша. Он убивал или отпугивал крупных хищников по контрактам с департаментом по охране окружающей среды или с частными лицами. По его словам, это называлось «контролем над популяцией хищных видов» – медведей, пум, волков и рысей. Иногда, если животное нападало на человека, правоохранители поручали ему найти и уничтожить опасного хищника. Для этой цели он использовал несколько карельских лаек, натасканных на медведей, или метисов блаухаунда.

– Судя по глубине и расположению санного следа, снегоход мог проехать там как раз во время пожара, – сказал Эш. – Это заинтересовало меня.

– Почему?

– Потому что я не думаю, будто твой отец в тот вечер вдруг решил застрелиться.

Ее сердце пропустило удар и забилось с новой силой.

– Продолжай, – прошептала она.

– Похоже, снегоход остановился за рошей, вон там. – Он указал на гребень холма за спиной. – Потом два человека спустились по склону от гребня. – Он указал на заснеженный склон над сараем. – Но когда они вышли из сарая, то направились к кухонной двери Ноя, на какое-то время задержались там, а потом побежали сюда. – Эш указал на глубокие следы, по которым шла Ребекка.

– На этом отрезке пути они начали падать и двигались беспорядочно. По меньшей мере один из них еще раз упал, когда они пробирались между деревьями. Когда они забрались на снегоход, то поспешно уехали на юго-запад. Поэтому я начал двигаться в обратную сторону, от санного следа к пешим следам, когда услышал звук старого дизельного мотора, приближавшийся к дому Ноя. С учетом времени суток и этих причудливых следов я держался очень настороженно. Я вернулся посмотреть, кто приехал, и увидел тебя: неопознанного вооруженного человека, который шарится в темноте там, где недавно побывали полицейские, – как ты и сказала.

– Куда ведет обратный санный след? – спросила Ребекка, стараясь не стучать зубами. Она обмоталась шарфом и надела охотничью ушанку, но холод проникал повсюду.

– Я добрался до пограничной линии ранчо Броукен-Бар. Собираюсь вернуться туда завтра на рассвете.

Ребекка задрожала, когда ветер еще усилился и завыл над замерзшим ландшафтом. На небе высыпали звезды.

– Послушай, – сказал Эш, заметив ее дрожь. – Погода будет только ухудшаться, причем быстро. У меня на ранчо Хогена есть комнаты для гостей. Давай вернемся в тепло и поговорим, а утром я покажу тебе следы.

Ребекке *нужно* было поговорить с ним.

У нее было много вопросов.

Она хотела своими глазами увидеть эти следы.

Но ей нужно сделать все это на *своих* условиях. Ребекка была совершенно выведена из равновесия такой внезапной встречей и его властным присутствием, как будто он по-прежнему мог управлять ее чувствами и ее разумом. Ей нужно было время, чтобы обдумать не только встречу с ним, но и зрелище сгоревшего отцовского дома, обгоревшего тела отца в морге. Сейчас Ребекка была слишком уязвима, чтобы провести ночь в доме Эша после стольких лет уклонения от него, ненависти к нему, любви к нему.

– Нет, – твердо ответила Ребекка. – Завтра на рассвете я буду у двери твоего дома. Тогда ты покажешь мне следы.

Он немного помолчал, взвешивая ее слова.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Отлично, – тихо сказал он. После некоторого колебания добавил: – Хочешь, я провожу тебя до автомобиля?

– Нет.

– Как угодно. – Он свистнул, подзывая собаку, направил свет фонарика на деревья и пошел вверх по склону. Луч света долго мотался из стороны в сторону, потом исчез за деревьями.

Вокруг Ребекки сомкнулась темнота. Она выругалась.

При свете звезд и восходившей луны, отражавшейся от снега, она побрела через снег и лед к старому «сильверадо», огибая место пожара, и несколько раз поскальзывалась и падала на жесткий наст.

К тому времени, когда Ребекка добралась до отцовского автомобиля, она так сильно стучала зубами, что боялась сломать их. Ворочая онемевшими пальцами, она сделала несколько попыток отпереть дверь со стороны водителя и испытала настоящее облегчение, когда добилась успеха.

Ребекка забралась внутрь, положила ружье на пассажирское место, проверив предохранитель, и наполовину повернула ключ в замке зажигания. Включился свет на приборной панели; тогда она повернула ключ до конца.

Двигатель кашлянул, повернулся и заглох. Она попробовала снова, сперва дождавшись впрыска, который должен был завести старый двигатель. Когда снова зажегся свет на приборной панели, она повернула ключ до упора. На этот раз слышались лишь слабый кашель, перестук и тишина.

Ребекку охватил первобытный страх. Она попробовала еще раз, с таким же результатом.

Стуча зубами и трясясь не только от холода, но и от нервного возбуждения, она пробовала снова и снова, хорошо понимая, что с каждым разом истощает аккумуляторную батарею, едва ли полностью заряженную с самого начала.

Двигатель не заводился.

Ребекка протянула вверх дрожащую руку и нащупала выключатель верхнего света. Когда она посмотрела на панель при лучшем освещении, то испытала приступ паники.

Указатель топлива находился на нуле.

На мгновение Ребекка ошеломленно замерла. Это невозможно. Она наполнила бак в Клинтоне. Может, в топливном баке «сильверадо» имелась протечка, и поэтому он был практически пустым, пока находился на полицейской стоянке. Ребекка пошарила в отделении для перчаток, надеясь найти фонарик. Пусто.

Она перебрала остатки вещей на заднем сиденье; там тоже не было фонарика. Свет постепенно тускнел, по мере уменьшения заряда батареи. Нет ни печенья, ни шоколадных батончиков, ни свечей, ни спасательного одеяла. Ничего. Только отцовская одежда, которая уже на ней.

На каком-то уровне Ребекка понимала, что у нее уже наступила гипотермия. Она довольно долго находилась на морозе, а потом вспотела под огнем Эша и при нападении собаки. Ее влажная кожа в сочетании с холодом еще больше понизила температуру тела. Тонкая двигательная координация уже не работала.

Вероятно, способность к рациональному мышлению тоже начала угасать, что больше всего пугало Ребекку.

Она еще несколько раз попробовала завести «сильверадо», несмотря на то что датчик топлива показывал пустой бак. Она пыталась внушить себе, что не проверила указатель после

заправки; возможно, датчик был неисправен, и на самом деле в баке осталось топливо. У нее возникли проблемы с зажиганием на полицейской стоянке, так что, наверное, ситуация повторилась. Ребекка знала, что когда холодает не по сезону, некоторые дизельные двигатели испытывают трудности с запуском из-за формирования кристаллов парафина, забивающих топливные фильтры и топливопроводы.

Свет мигнул и погас. Аккумуляторная батарея разрядилась.

Вокруг «сильверадо» со свистом проносился ветер. Луна поднялась выше и озаряла пейзаж призрачным светом. Приступы дрожи у Ребекки стали неконтролируемыми. Ей показалось, что она видит темную тень,двигающуюся в снегу. Заяц? Лиса?

Ребекка проверила свой телефон. Тот уже отключился. Даже если бы она могла согреть его, чтобы включить систему, здесь все равно не было сети.

И слишком далеко идти пешком до ближайшего места, где ей могли бы помочь. Ночью на проселочной дороге обычно нет ни души.

Наверное, не стоило быть такой упрямой, надо было уехать вместе с Эшем.

Пожалуй, она все-таки кого-нибудь встретит, если просто пойдет по дороге.

Или это мозг нашептывает ей разные глупости?

К глазам подступили слезы. Ребекка откинулась на спинку и подголовник сиденья.

«Проклятая ирония судьбы.

Я вернулась домой и приехала в эту глушь вечером, во время рекордного мороза, чтобы умереть. Последовать в могилу за своим отцом. Эй, папа, эта шутка не в твоём духе? Это твой способ наконец заставить меня провести с тобой достаточно много времени? Например, целую вечность? Слушай, наверное, тогда мы повстречаемся с мамой...»

«Он солгал, Бекка. Вы оба лгали».

«Это был твой голос, папа?»

Перед ее мысленным взором предстала живая картина: Эш и Уитни выходят из амбара.

«Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, не так ли?»

Из-за оттока крови от мозга и конечностей для согрева и защиты жизненно важных органов разум начал выкидывать разные фокусы. Ребекка подумала о фарах автомобиля, который следовал за ней. Мог ли кто-то совершить диверсию в «сильверадо», пока она находилась в сарае, где ее отец готовил и хранил самогон?

Мог ли Эш сделать это, а потом вернуться кружным путем?

Или это был Бак на полицейской автостоянке, еще до ее отъезда?

«Его автомобиль оснащен хорошими зимними колесами с шипованными покрышками. Это тебе понадобится, если ты собираешься отправиться туда».

Или дело было в отце, не позаботившемся о починке проржавевшего топливного бака?

Но мысль о диверсии завладела вниманием. Она черной тенью поднялась на периферии сознания и начала разрастаться, со всех сторон вторгаясь в мысли и принося с собой еще более глубокую тьму, пока Ребекка не почувствовала, как соскальзывает в чернильную пустоту.

Глава 17

Бывают ночи, когда волки молчат и воет только луна... где Ребекка слышала эти слова? Она смотрела через заиндевевшие окна, как волки материализовались из лесной черноты. Их тени медленно подкрадывались к «сильверато» по освещенному луной снегу. Или это были тени, созданные ветром? Ребекка изо всех сил старалась сохранять сознание. Ей жарко, слишком жарко. Может быть, нужно снять отцовскую куртку, вообще избавиться от одежды? Потом на фоне тьмы она увидела силуэт своего отца. Он приближался по снегу. Ее большой папочка, полицейский. Он держал в руке фонарик, и волки отступили в темный лес, испугавшись его.

«Папа?»

Ребекка услышала голос своего отца.

«Бекка, Бекка, очнись».

Она открыла глаза. Ее отец пропал. Она по-прежнему находилась в автомобиле. Одна. Она попыталась сосредоточиться.

На подъеме появился свет. Она заморгала. Свет был размытым из-за морозных узоров, выросших на ветровом стекле.

Свет мелькал между деревьями, становился ярче, потом свернул в сторону и направился прямо к ее автомобилю. Пока свет прыгал и дергался, он разделился и превратился в два близко посаженных глаза. Она услышала рокот двигателя и поняла, что глаза были фарами снегохода.

Страх вонзил когти в ее грудь. Диверсант вернулся? Он дожидался того момента, когда она останется одна и лишится сил?

Ребекка старалась прояснить голову. Она протянула руку в перчатке к заряженному ружью на пассажирском сиденье, но пальцы не слушались. Металл выскользнул из перчатки, и приклад стукнулся об пол. Если бы не предохранитель, оружие могло бы сработать, и Ребекка получила бы пулю в голову, как и ее отец.

Снегоход приближался, разбрасывая снег в стороны. Он затормозил напротив «сильверато» и резко остановился. Яркие фары светили ей прямо в лицо через филигрань ледяных папоротников на стекле.

Ребекку охватила паника. Она старалась открыть примерзшую дверь. В просветах между морозными узорами она видела темную фигуру в шлеме, идущую к ней.

Ледяная корка треснула, и дверь наконец распахнулась. Ребекка оперлась на нее и вывалилась наружу, на промерзшую землю.

– Бекка! – Фигура подняла козырек шлема и склонилась над ней. – Это я, Эш.

Она ощутила, как его сильные руки помогли ей подняться на ноги. У нее подогнулись колени, но он подхватил ее.

– Авль... – выдавила она, с трудом ворочая языком. – Не з-звелся...

– Боже, у тебя переохлаждение. Ты можешь чуть-чуть пройти? Я доведу тебя до моего снегохода, хорошо? Попробуй, ладно?

Она кивнула. Ее ноги казались онемевшими обрубками. Но движение и чувство облегчения от того, что она все-таки получила помощь и что она не умрет, придали ей сил. Она опиралась на Эша, который поддерживал ее и помог доковылять до снегохода с работающим двигателем. Тогда она заметила, что его пес сидит сзади на салазках, и замерла.

– Кибу будет хорошо себя вести, – твердо сказал Эш. – Я обещаю. Он набросился на тебя только потому, что я выслеживал тебя так же, как крупных хищников, а он натаскан для такой работы. На снегоходе сиденья с подогревом. Кроме того, у меня есть спасательное одеяло и термические подкладки для твоих сапог и перчаток. Мы доберемся до моего дома, если ты сможешь держаться за меня. Ну как, нормально?

Она кивнула.

Боже, она скучала по этому голосу. Низкому, басовитому и уверенному. Он открыл набор первой помощи, активировал химические нагревательные подкладки и сунул их ей в перчатки и сапоги. Потом закутал ее в спасательное одеяло с аккумуляторным обогревом, снял с нее шапку и заменил ее на запасной шлем, – большой, плотный и защищающий от ветра. Когда он опустил козырек, сразу стало теплее.

Эш оседлал машину, взял руки Ребекки и обвил их вокруг своего пояса.

– Держись за меня, вот так. – Он продел свою правую руку над ее запястьем. – Сможешь удержаться?

Ребекка кивнула.

– Прижмись теснее, ладно?

Она кивнула.

– Хорошо?

Она снова кивнула.

Эш опустил козырек шлема и дал газ. Снегоход с рычанием рванулся с места, и они заскользили и завиляли по плотно слежавшемуся снегу обратно в лес, где она увидела свет фар и подумала, что это отец с фонариком спешит ей на помощь, отгоняя злых волков.

Глава 18

Ребекка ощущала тепло. Она была окутана теплом. Она слышала потрескивание сухих дров и отдаленный лай собак. Запах... запах пламени.

Ее глаза распахнулись, сердце учащенно забилося.

Эш сидел рядом с ней на стуле у очага и смотрел на нее своими льдисто-голубыми глазами. Она находилась в его гостиной; освещение было приглушенным. Мерцающий огонь пламени в камине резко подчеркивал суровые черты Эша. Шрам на его щеке выглядел как узловатый нарост. Старый темно-рыжий пес с поседевшей мордой дремал на коврик перед очагом. Он был похож на ретривера, которого когда-то держала ее мать. Кибу спал на стуле рядом с Эшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.